

Бестселлер New York Times #1

ДЭВИД БОЛДАЧЧИ

НЕВИННАЯ

ПЕРВАЯ КНИГА САМОЙ ПОПУЛЯРНОЙ СЕРИИ АВТОРА

В мире продано более 130 000 000 экземпляров романов автора

Дэвид Болдаччи
Невинная
Серия «Дэвид Болдаччи.
Гигант мирового детектива»
Серия «Уилл Роби», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43227101
Невинная / Дэвид Болдаччи ; [пер. с англ. А. В. Филонова]: Эксмо;
Москва; 2019
ISBN 978-5-04-103591-4

Аннотация

Все детективы и триллеры Болдаччи стали бестселлерами. Но серия об Уилле Роби – самая популярная и любимая миллионами читателей по всему миру, по-настоящему запавших на ее главного героя – настоящего мужчину с несгибаемым характером и стальными мускулами, но при этом с нежным и горячим сердцем, остро реагирующим на несправедливость.

Уилл Роби – лучший ликвидатор на службе у правительства. Его дело – без сомнений и угрызений совести приводить в исполнение неофициальные смертные приговоры врагам государства. Но вот однажды Роби совершил то, о чем до этого даже помыслить не мог. Выйдя на цель, он не спустил курок.

Ведь «целью» оказалась молодая женщина с двумя маленькими детьми...

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	40
Глава 7	47
Глава 8	55
Глава 9	62
Глава 10	69
Глава 11	73
Глава 12	77
Глава 13	83
Глава 14	91
Глава 15	94
Глава 16	98
Глава 17	105
Глава 18	110
Глава 19	116
Глава 20	121
Глава 21	125
Глава 22	134
Глава 23	139

Глава 24	143
Конец ознакомительного фрагмента.	152

Дэвид Болдаччи

Невинная

David Baldacci

The Innocent

Copyright © 2012 by Columbus Rose, Ltd. This edition is published by arrangement with Aaron M. Priest Literary Agency and The Van Lear Agency LLC

Иллюстрация на суперобложке и переплете *Филиппа Барбьева*

© Филонов А.В., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

Во время короткого перелета из Дублина в Эдинбург Уилл Роби внимательно наблюдал за всеми пассажирами до единого и наконец уверенно заключил, что шестнадцать из них – возвращающиеся шотландцы, а пятьдесят три – туристы.

Роби не был ни шотландцем, ни туристом.

Полет занял сорок семь минут – сначала через Ирландское море, а потом через изрядный кус Шотландии. Поездка на такси из аэропорта отняла еще пятнадцать минут его жизни. Остановился он не в «Балморале» и не в «Скотсмане», как и ни в одном из прочих прославленных заведений древнего города, а снял одну комнату на третьем этаже здания с замызганным фасадом в девяти минутах пешком в гору от центра города. Взял свой ключ и расплатился за одну ночь наличными. Отнес свою небольшую сумку в комнату и сел на кровать. Заскрипев под его весом, она просела на добрых три дюйма.

Ничего другого, кроме скрипа и вмятин, за такие гроши не получишь.

Роби, при росте на дюйм сверх шести футов, весил фунтов сто восемьдесят¹. Обладая каменными мышцами и компактной мускулатурой, он больше полагался на проворство

¹ Соотв., ок. 185 см и 82 кг.

и выносливость, нежели на чистую силу. Нос ему однажды сломали из-за его же собственной ошибки. Вправлять его Уилл не стал, потому что не хотел забывать о промахе. Один из задних зубов был искусственным, доставшись в комплекте со сломанным носом. Его от природы темные волосы росли пышно, но Роби предпочитал не отпускать их больше чем примерно на полдюйма длиннее флотского бобрика. Несмотря на выразительные черты лица, он сделал их почти незапоминающимися тем, что никогда и ни с кем не встречался взглядом.

У него имелись татуировки на одной руке и спине. Одна изображала здоровенный зуб большой белой акулы, вторая – красный росчерк, смахивавший на горящую молнию. В практическом плане они скрывали старые шрамы, рубцы от которых так толком и не рассосались. И каждый имел для него собственное значение. Поврежденная кожа заставила татуировщика повозиться с Роби, но результат оказался вполне удовлетворительным.

Роби было тридцать девять лет от роду, и завтра должно исполниться сорок. Но в Шотландию он прибыл вовсе не затем, чтобы отпраздновать эту личную веху. Он приехал по работе. В половине из всех трехсот шестидесяти пяти дней в году Уилл либо работал, либо был в пути, чтобы выполнить работу.

Роби оглядел комнатенку. Тесная, адекватная, без украшений, расположена стратегически. Он невзыскателен. По-

житков у него раз-два и обчелся, а потребностей и того меньше.

Встав, Уилл подошел к окну и прижался лицом к прохладному стеклу. Небо пасмурное. В Шотландии это обычное дело. День, когда солнце светит в Эдинбурге с утра до вечера, его жители обычно встречают с благодарностью и изумлением.

Где-то далеко слева стоит Холирудский дворец – официальная резиденция королевы в Шотландии. Отсюда не видно. Далеко справа – Эдинбургский замок. Этой потрепанной старой постройкой тоже не видать, но Роби в точности знал, где она.

Посмотрел на часы. Еще целых восемь часов.

Часы спустя внутренний будильник прервал его сон. Покинув комнату, Роби зашагал к Принсесс-стрит. Миновал величественный отель «Балморал», крепко укоренившийся в центре города. Заказал легкую трапезу и выпил воды из-под крана, несмотря на широкий ассортимент стаутов, представленный на полке над баром. Поглощая еду, провел какое-то время, глаза на уличного артиста, жонглировавшего мясницкими ножами верхом на моноцикле, попутно потчуживая зевак забавными байками, поданными с шикарным рокошущим шотландским акцентом. А еще был субъект, выряженный как человек-невидимка, фотографировавшийся с прохожими по два фунта с носа.

После еды Роби неспешным шагом направился к Эдин-

бургскому замку. Тот замаячил вдали – огромный, импозантный, ни разу не взятый силой, только хитростью.

Вскарабкавшись на верх замка, оглядел хмурую шотландскую столицу. Провел ладонью по пушке, выстрелить которой больше не суждено. Повернувшись налево, охватил взглядом простор моря, сделавшего Эдинбург столь важным портом столетия назад: суда приходили и уходили, доставляя фрахт и принимая на борт свежий груз. Роби потянул затекшие конечности, ощутив хруст и щелчок в левом плече.

Сорок.

Завтра.

Но сперва надо дотянуть до завтра.

Посмотрел на часы.

Еще три часа.

Покинув замок, Уилл направился вниз по боковой улочке.

Переждал внезапный ледяной ливень под навесом кафе, выпив чашечку кофе.

Потом миновал вывеску призрачного турне по Подземному Эдинбургу, только для взрослых и только когда совсем смеркнется. Почти пора. Роби запоминал каждый шаг, каждый поворот, каждое движение, которое придется сделать.

Чтобы жить.

И, как всякий раз, оставалось лишь уповать, что этого будет достаточно.

Уилл Роби не хотел умирать в Эдинбурге.

Чуть позже он миновал человека, кивнувшего ему. Это

был чуть заметный наклон головы, ничего более. Потом человек скрылся, а Роби свернул в дверной проем, который тот освободил. Закрыв и запер за собой дверь, и двинулся вперед, прибавляя шаг. Его туфли на резиновой подошве на каменному полу не издавали ни звука. Через шестьсот футов он увидел справа дверь. Зашел. На гвозде висела старая монашеская ряса. Надел ее и накинул капюшон на голову. Были там и другие вещи для него. Сплошь необходимые.

Перчатки.

Прибор ночного видения.

Диктофон.

Пистолет «Глок» с глушителем.

И нож.

Роби ждал, поглядывая на часы каждые пять минут. Его часы были синхронизированы с точностью до секунды с чьими-то еще.

Открыл другую дверь и прошел через нее. Двинувшись вниз, добрался до решетки в полу, поднял ее и быстро скользнул вниз по железным скобам, вмурованным в камень. Беззвучно опустился на пол и двинулся налево, считая шаги. Над ним был Эдинбург. По меньшей мере «новая» его часть.

Он шел по Подземному Эдинбургу, приютившему несколько призраков и пеших экскурсий. Под Южным мостом и районами старого города есть склепы вроде Тупика Мэри Кинг, в числе прочих. Уилл скользил во тьме кирпичных и каменных коридоров, благодаря ПНВ видя все с без-

упречной резкостью. Электрические лампочки на стенах были развешаны через довольно регулярные интервалы, но вокруг все равно было очень сумрачно.

Роби чуть ли не явственно слышал вокруг себя голоса мертвых. По местным преданиям, когда в семнадцатом веке нагрянула чума, особенно сильно она ударила по беднейшим кварталам вроде Тупика Мэри Кинг. А город в ответ замуровал здесь людей навеки, дабы предотвратить распространение морового поветрия. Роби не знал, правда это или нет, но не удивился бы, даже окажись это правдой. Именно так цивилизация порой разделяется с угрозами, реальными или мнимыми. Их замуровали. Или они, или мы. Выживает сильнейший. Ты умрешь, чтобы мог жить я.

Посмотрел на часы.

Еще десять минут.

Двинулся медленнее, подлаживая шаг так, чтобы прибыть за считанные секунды до расчетного времени. Просто на всякий случай.

И услышал их еще прежде, чем увидел.

Их было пятеро, не считая гида. Субъект и окружающие.

Наверняка вооружены. Наверняка наготове. Окружающие наверняка полагают, что это идеальное место для засады.

И совершенно правы.

Со стороны субъекта было глупо спускаться сюда.

Так и есть.

Морковка должна была быть особенно большой.

И была.

Здоровенной, потому что полной хренью. И все же тот пришел, потому что не въехал. Что заставило Роби задуматься, а так ли уж тот опасен на самом деле. Но это не его ума дело.

У него еще четыре минуты.

Глава 2

Роби обогнул последний поворот. Услышал, как гид шпарит затверженные побасенки таинственным, загробным голосом. Мелодрамы окупаются, подумал Уилл. И на самом деле уникальность этого голоса играет в сегодняшнем плане жизненно важную роль.

Приближался поворот под прямым углом. Экскурсия направлялась к нему.

Как и Роби, только с противоположной стороны.

График рассчитан настолько плотно, что на ошибку – ни малейшего допуска.

Роби считал шаги, зная, что гид делает то же самое. Они даже упражнялись, отрабатывая длину шагов, чтобы добиться безупречной хореографии. Семь секунд спустя гид – такого же роста и телосложения, как Роби, и одетый в такую же рясу, как и он, зашел за угол, опередив свою группу всего на пять шагов, держа в руке фонарик – единственное, чего Роби не мог воспроизвести. У него обе руки должны быть свободны, по очевидным причинам. Гид свернул налево и скрылся в расселине в скале, ведущей в другое помещение с другим выходом.

Едва увидев это, Роби развернулся, оказавшись спиной к группе, которая вот-вот выйдет из-за угла. Одна рука скользнула к диктофону на поясе, включив его. Театральный голос

гида зарокотал, продолжая рассказ, на минутку прерванный, чтобы зайти за угол.

Роби было не по душе поворачиваться спиной к кому бы то ни было, но иначе план не сработает. У них фонари. Они сразу увидели бы, что он не гид. Что он не говорит. Что на нем ПНВ. Голос продолжал бубнить. Роби зашагал вперед.

Придержал шаг. Они его нагнали. Лучи их фонарей осветили его спину. Он услышал их коллективное дыхание. Почуял их запахи. Пот, одеколон, чеснок, съеденный с трапезами. Их последними трапезами.

«Или моими, смотря, как пойдет».

Пора. Он обернулся.

Глубокий ножевой порез снял головного. Тот повалился на пол, пытаясь удержать свои раскромсанные органы. Второму Роби выстрелил в лицо. Звук заглушенного выстрела щелкнул, как резкая пощечина, эхом отдавшись от каменных стен вперемешку с воплями умирающих.

Теперь остальные отреагировали. Но они не были настоящими профессионалами. Их добыча – слабые и плохо обученные. Роби не был ни тем, ни другим. Их оставалось трое, но хоть какие-то проблемы могли доставить лишь двое.

Уилл метнул нож, вонзившийся в грудь третьего. Тот рухнул с сердцем, раскрытым почти надвое. Стоявший позади него выстрелил, однако Роби уже пришел в движение, воспользовавшись третьим, как щитом. Пуля впиалась в каменную стену. Часть ее осталась в стене, часть срикошетировала,

увязнув в противоположной стене. Тот выстрелил во второй и третий раз, но промахнулся, потому что адреналин у него зашкалил, сбив тонко отлаженную моторику и помешав прицелиться точно. Тогда он в отчаянии попытался палить, куда бог пошлет, опорожнив магазин. Пули отлетали от твердых камней. Одна рикошетом угодила в голову ведущему, но не убила, потому что он уже истек кровью, а вторая смерть покойнику не грозит. Пятый бросился ничком на твердый пол, накрыв голову руками.

Роби видел все это. Упав на пол, он сделал один выстрел в лоб номера четвертого. Так уж он их назвал. Номера. Безличные. Так убивать проще.

Теперь остался лишь номер пятый.

Пятый был единственной причиной, по которой Уилл Роби прилетел сегодня в Эдинбург. Остальные были просто несущественны, их смерти по большому счету роли не играли.

Номер пятый встал и попятился, когда Роби поднялся на ноги. У него оружия не было. Он не видел нужды носить его. Не царское это дело – обременять себя оружием. Несомненно, сейчас он пожалел об этом решении.

Он просил. Умолял. Он заплатит. Сколько угодно. А когда увидел направленный на него ствол, перешел к угрозам. Какой он важный человек. Насколько могущественны его друзья. Что они учинят с Роби. Сколько мук Роби вынесет. Он сам и его близкие.

Уилл пропустил все это мимо ушей. Он уже слышал такое не раз.

Выстрелил дважды.

В правое и левое полушария мозга. Всегда летально. Как и сегодня.

Номер пятый расцеловался с каменным полом, с последним дыханием изрыгнув в адрес Роби матерное определение, которого не слышали ни Уилл, ни он сам.

Повернувшись, Роби вышел через ту же расщелину, что и гид.

Шотландия его не убила.

И он чувствовал благодарность за это.

* * *

Устранение пяти человек ничуть не потревожило крепкий сон Роби.

Проснувшись в шесть утра, он позавтракал в кафе за углом дома, где остановился. Позже пешком дошел до вокзала Уэверли рядом с отелем «Балморал» и сел на поезд до Лондона. Чуть более четырех часов спустя, прибыв на вокзал Кингс-Кросс, взял такси до Хитроу. 777-й «Бритиш эруэйз» пошел на взлет ближе к вечеру. При слабом встречном ветре самолет коснулся посадочной полосы аэропорта Даллеса семь часов спустя. В Шотландии было пасмурно и зябко; в Вирджинии день выдался жаркий и сухой. Солнце уже

клонилось к западу. За день набежали тучи, но грозы не будет, потому что влаги в воздухе нет. Матушка-природа только и могла что грозиться.

Перед терминалом аэропорта его ждал автомобиль. Никакой таблички с именем.

Черный внедорожник.

Правительственные номера.

Сев, он защелкнул ремень безопасности и взял экземпляр «Вашингтон пост», лежавший на сиденье. Никаких инструкций водителю не давал – тот знал, куда ехать.

Движение на платной автодороге Даллеса было на диво редким.

Телефон завибрировал. Роби поглядел на экран.

Одно слово: «Поздравляю».

Сунул телефон обратно в карман пиджака.

По его мнению, слово «поздравляю» было неуместно. «Спасибо» тоже было бы неуместно. Роби не знал, какое слово пришлось бы к месту после убийства пятерых человек.

Пожалуй, никакое. Пожалуй, достаточно промолчать.

Его привезли к зданию у Чейн-Бридж-роуд в Северной Вирджинии. Никакого рапорта не будет. Лучше, когда никаких записей. Если возбудят расследование, обнаружить записи, которых не существует, не удастся никому.

Но если заварятся неприятности, официального прикрытия у Роби не будет.

Он направился в кабинет, официально ему не принадле-

жащий, однако отданный ему в полное распоряжение, когда порой требовалось. Несмотря на поздний час, люди еще работали. С Роби они не заговаривали. Даже не глядели. Разумеется, они даже не догадываются, что он сделал, но им хватает ума не взаимодействовать с ним.

Сев за стол, Уилл постучал по клавишам компьютера, отправил несколько электронных писем и уставился в окно – на самом деле и не окно вовсе, а просто ящик, имитирующий солнечный свет, потому что настоящее окно – просто дыра, через которую могут проникнуть посторонние.

Час спустя вошел бледнолицый одутловатый мужчина в помятом костюме. Оба даже не поздоровались. Положив на стол перед Роби флеш-накопитель, одутловатый развернулся на пятке и удалился. Уилл воззрился на серебристый предмет. Следующее задание уже готово. Последние пару лет их темп все растет и растет.

Сунув флеш-накопитель в карман, Роби ушел. На сей раз сам сел за руль «Ауди», припаркованного на свободном месте в смежном гараже. Скользнув на сиденье, почувствовал себя комфортно. «Ауди» принадлежал ему – уже четыре года. Проехал через КПП. Охранник тоже даже не поглядел на него.

Невидимка в Эдинбурге. Уж Роби ли не знать, каково быть невидимкой... Выехав на дорогу общественного пользования, он переключил передачу и прибавил скорость. Телефон снова завибрировал. Роби бросил взгляд на экран.

«С днем рождения».

Это не побудило его улыбнуться. Не побудило вообще ни к чему – разве что положить телефон на соседнее сиденье и дать газу.

Не будет ни торта, ни свечек.

Сидя за рулем, Роби думал о подземном тоннеле в Эдинбурге. Четверо из покойных были телохранителями – матерыми, отчаянными людьми, предположительно убившими за последние пять лет не меньше пятидесяти человек, в том числе детей. Пятым с двумя дырками в башке был Карлос Ривера, торговец наркотиками и подростками для проституции, невероятно богатый и приехавший в Шотландию отдохнуть. Однако Роби знал, что на самом деле Ривера прибыл в Эдинбург, по-видимому, ради встречи на высшем уровне с криминальным царем из России в попытке консолидировать бизнес-интересы обоих. Даже бандитам по душе глобализация.

Роби было приказано убить Риверу, но не из-за его торговли людьми и наркотой. Ривера должен был умереть, поскольку Соединенные Штаты прознали, что он планирует в Мексике государственный переворот, опираясь на помощь нескольких высокопоставленных генералов мексиканской армии. Получившееся правительство было бы настроено к Америке отнюдь не дружелюбно, так что допустить этого было нельзя. Встреча с русским уголовным царем была подставой, морковкой. Не было никакого царька и никакой

встречи. Неугодные мексиканские генералы тоже мертвы – убиты людьми вроде Роби.

Приехав домой, он два часа гулял по темным улицам. Дошел до реки и полюбовался, как фары на вирджинской стороне рассекают ночь. По спокойной глади Потомака мимо проплыл полицейский патрульный катер.

Роби устремил взгляд в буроватое безлунное небо; торт без свечей.

«С днем рождения меня».

Глава 3

Было три часа ночи.

Уилл Роби не спал уже два часа. Задание, изложенное на флеш-накопителе, заставит его отправиться куда дальше Эдинбурга. Мишень – очередной тщательно оберегаемый субъект, имеющий куда больше денег, чем совести. Роби трудился над этой задачей почти месяц. Мелочей не счесть, а допуск на ошибку даже меньше, чем с Риверой. Изнурительная подготовка взыскала с Роби свою дань. Он не мог уснуть. Да и ел всего ничего.

Но сейчас Уилл пытался отдохнуть. Он сидел в тесной кухоньке своей квартиры, расположенной в зажиточном районе с массой великолепных строений. Дом Роби к их числу не принадлежал – старый, утилитарной постройки, с шумными трубами, странными запахами и липким ковровым покрытием. Его разношерстные трудолюбивые жильцы по большей части только вступали в жизнь. Каждое утро уходили ни свет ни заря, чтобы занять свои места в адвокатских и бухгалтерских конторах и инвестиционных концернах, раскиданных по всему городу.

Некоторые избрали для себя государственную карьеру, так что добирались на метро, автобусах, велосипедах, а то и просто пешком до больших правительственных зданий, приютивших организации вроде ФБР, налогового управления и

Федерального резерва.

Роби никого из них не знал, хоть время от времени встречался с каждым. Его проинформировали о каждом из них. Все они вели замкнутый образ жизни, поглощенные своими карьерами и своими амбициями. Уилл тоже держался особняком. Готовился к следующей работе. Корпел над деталями, потому что только так и можно выжить.

Встав с постели, он поглазел из окна на улицу, где проехала лишь одна машина. Роби странствовал по миру уже с дюжину лет. И повсюду, где он побывал, кто-нибудь умирал. Уилл больше не помнил имен людей, чьи жизни оборвал. Они ничего не значили для него, когда он их убивал, не значили ничего и теперь.

Человек, раньше занимавший нынешний пост Уилла, трудился в особенно жаркое время для секретного агентства Роби. Шейн Коннорс ликвидировал почти на тридцать процентов больше объектов, чем Роби за то же самое время. Коннорс был хорошим, надежным наставником для преемника. После «отставки» Коннорса приставили к бумажной работе. В последние лет пять Роби с ним почти не контактировал. Но людей, которых он уважал бы больше, раз-два и обчелся. И мысль о Коннорсе заставляла Уилла чуточку мешкать с собственной отставкой. Через сколько-то лет это в конце концов произойдет.

«Если выживу».

Род занятий Роби – игры для молодых. Даже в сорок он

понимал, что еще дюжины лет ему не протянуть. Его умения слишком истреплются. Одна из мишеней окажется лучше него.

И он умрет.

А потом его мысли снова обратились к Шейну Коннорсу, сидящему за письменным столом.

Пожалуй, это тоже смерть, просто называется по-другому.

Подойдя к входной двери, Роби заглянул в глазок. Хотя он и не знаком ни с кем из соседей лично, это вовсе не значит, что они его не интересуют. На самом деле они ему очень даже интересны. Трудно объяснить почему.

Они живут *нормальной* жизнью.

А Роби – нет.

Видеть, как они ведут повседневное житье-бытье – единственный способ поддерживать связь с реальностью.

Он даже подумывал начать общаться с кем-нибудь из них. Это не только обеспечит ему хорошее прикрытие – попытка влиться, – но и помогло бы подготовиться ко дню, когда он больше не будет заниматься тем, чем занимается теперь. Когда сможет вести более-менее нормальную жизнь.

А затем его мысли, как всегда, неизбежно снова обратились к предстоящей миссии.

Еще одна поездка.

Еще одно убийство.

Задание будет трудным; впрочем, легких и не бывало.

Он запросто может погибнуть.

Но так уж всегда.

Странный способ проводить свою жизнь, понимал Роби.

Но это *его* способ.

Глава 4

Сегодня Коста-дель-Соль² оправдывал свое название.

Роби надел шляпу цвета соломы с узкими полями, белую футболку, синюю куртку, выцветшие джинсы и сандалии. Его загорелое лицо заросло трехдневной щетиной. Он в отпуске – по крайней мере, с виду.

Роби поднялся на борт большого, громоздкого парома, чтобы пересечь Гибралтарский пролив. Поглядел назад, на горы, вздымающиеся вдоль изрезанного, впечатляющего испанского побережья. Тесная близость высоких скал и синего Средиземного моря чаровала взор. Полюбовавшись несколько секунд, Роби отвернулся, забыв образ почти тотчас же. Ум его занимало другое.

Скоростной паром направлялся в Марокко. Покидая Тарифскую гавань на пути в Танжер, он вздымался и раскачивался, как метроном. Но как только набрал скорость и вышел в открытое море, плавание пошло более гладко. Брюхо парома заполнено легковыми и грузовыми автомобилями, автобусами и фурами. А остальное битком набито пассажирами – едящими, играющими в галерее игровых автоматов и покупающими беспощинные сигареты и парфюмерию чуть ли не вагонами.

² Солнечный берег (*исп.*).

Сидя на своем месте, Роби любовался пейзажами – по крайней мере, делал вид. Ширина пролива девять миль, и плавание продлится всего минут сорок. Не так уж много времени, чтобы обдумать что бы то ни было. Уилл поочередно то пялился на воды Средиземного моря, то изучал остальных пассажиров. По большей части туристы, жаждущие похвастаться, что были в Африке, хотя Роби и знал, что Марокко разительно отличается от представлений большинства об Африке.

Он сошел с парома в Танжере. Прибывшую орду уже дожидались автобусы, такси и экскурсоводы. Обойдя всех их сторонкой, Уилл покинул порт пешком. Едва ступил на главную улицу городка, как его тотчас осадили торговцы вразнос, попрошайки и владельцы магазинов. Дети тянули его за куртку, выпрашивая деньги. Уткнув взгляд в землю, он не сбил шага.

Прошел через запруженный народом рынок специй. На одном углу чуть не наступил на пожилую женщину, вроде бы уснувшую с несколькими батонами хлеба на продажу. Наверное, в этом вся ее жизнь, подумал Роби, – этот угол и несколько батонов хлеба на продажу. Одежда перепачкана, кожа тоже. Мягкая и пухлая, но не от обжорства, а от недоедания, как зачастую и бывает. Наклонившись, Уилл вложил ей в руку несколько монет. Ее узловатые пальцы тотчас сжали их.

Она поблагодарила его на своем языке. Он сказал «пожа-

луйста» на своем. Оба каким-то образом поняли этот обмен репликами.

Роби пошел дальше, прибавив шагу, избегая по попадающимся лестницам по две-три ступеньки кряду. Миновал закликателей змей, вешавших на шеи обгоревших на солнце туристов змей экзотических расцветок с вырванными клыками и ни за что не желавших их снять, пока им в ладонь не положат пять евро.

Славное вымогательство, если сумеешь пристроиться, подумал Роби.

Местом его назначения была комната над рестораном, сулящим аутентичные местные блюда. Он знал, что это западня для туристов. Блюда безличные, пиво теплое, а обслуга равнодушная. Водители автобусов залучают сюда ничего не подозревающую публику, а потом дуют в другие места, чтобы съесть куда лучшую трапезу.

Роби направился вверх по лестнице, отпер дверь в комнату ключом, полученным заранее, и запер ее за собой. Огляделся. Кровать, стул, окно. Всё, что нужно.

Положив шляпу на кровать, выглянул из окна и посмотрел на часы. Одиннадцать вечера по местному времени.

Флеш-накопитель давным-давно уничтожен. План составлен, а все ходы отработаны на макете в Штатах, в точности воспроизводящем его мишень. Теперь остается просто ждать – самое трудное из всего.

Сев на кровать, Роби помассировал шею, разминая мыш-

цы, затекшие после долгого путешествия по воздуху и по морю. На сей раз мишенью будет не идиот вроде Риверы. Это осторожный человек с профессиональными активами, которые не станут посылать пули в белый свет почем зря. Справиться с ним будет потруднее – во всяком случае, должно быть.

Роби ничего не привез с собой из Испании, поскольку при посадке на паром надо проходить таможеню. Если б испанская полиция нашла в сумке оружие, это было бы не просто проблемой. Но все нужное ему найдется в Танжере.

Сняв куртку, Уилл лег на кровать и дал уличной жаре навеять дремоту. Закрыв глаза, зная, что снова откроет их через четыре часа. Звуки улицы отошли на второй план, и он уснул. А когда проснулся, прошло почти четыре часа и наступило самое жаркое время суток. Утерев пот с лица, Робби снова подошел к окну и выглянул. Увидел, как большие туристские автобусы маневрируют на улицах, изначально не предназначавшихся для столь крупного и неуклюжего транспорта. Тротуары были забиты людьми – и местными, и приезжими.

Выждав еще час, он покинул комнату. На улице повернул на восток и поднажал. Через считанные секунды затерялся в суеде и сутолоке старого города. Захватит необходимое и двинется дальше. Все эти предметы будут предназначаться для миссии. Он побывал в тридцати семи странах, ни разу не купив ни единого сувенирчика.

Семь часов спустя почти совсем стемнело. Роби подошел к большому, суровому строению с запада. За спиной у него был упрочненный кейс и ранец с водой, банкой для мочи и провизией. Покидать здание в ближайшие три дня он не собирался. Огляделся, ноздрями вбирая запахи страны третьего мира. Душный, тяжелый воздух сулил скорый дождь. Это его не заботило. Эта работа будет под крышей. Сверившись с часами, он услышал приближающийся звук. Нырнул за скопление бочек. Проехав мимо него, грузовик остановился. Роби зашел к нему сзади. Через три шага он уже был под машиной, держась за железки, торчащие из днища. Грузовик поехал дальше, потом снова остановился. Послышался долгий душераздирающий скрежет металла о металл. Машина снова дернулась вперед, так что Роби едва сумел удержаться.

Через полсотни футов грузовик опять остановился. Двери открылись, ноги коснулись пола. Дверцы со щелчком захлопнулись. Шаги направились прочь. Снова душераздирающий скрежет. Потом закаленные замки со щелчком заперлись. Наступила тишина, не считая шагов патруля вдоль периметра, который будет вышагивать там круглосуточно как минимум в ближайшие три дня.

Роби подгадал время так, что выскользнул из-под грузовика и отбежал как раз к тому моменту, когда скрежет прекратился. Технически сооружение обыскано снизу доверху и опечатано. Это была единственная возможность для Роби проникнуть внутрь. Миссия выполнена – во всяком случае,

эта ее часть.

Он перескакивал по три ступеньки разом, и кейс с жесткими боковинами бил его по спине.

Началась скачка наперегонки со временем.

Добравшись до верхней площадки, он ухватился за балку и по-обезьяньи проворно пополз к намеченному месту. Качнулся влево, потом вправо и прыгнул.

Почти бесшумно приземлился на металл и помчался к точке в восьмидесяти футах оттуда, в самом темном углу.

И был на месте, имея в запасе целых пять секунд.

Свет погас, и включилась сигнализация. Внутреннее пространство тотчас же расчертили лучи энергии, невидимые для невооруженного глаза. Но стоит хоть кому-то, в ком бьется пульс, задеть один из них, и сирены взвоят. Все разрушители будут преданы казни. Вот такое местечко.

Роби повернулся на спину, обратив лицо к потолку.

Еще трое суток, то бишь семьдесят два часа.

Похоже, все его существование – сплошной обратный отсчет.

Глава 5

Пора.

Молитвенные коврики постелены. Колени коснулись земли, и все головы обратились к востоку, а затем опустились рядом с коленями. Рты раскрылись и забубнили знакомый речитатив.

До Мекки две тысячи пятьсот морских миль, часов пять лёту.

Но для людей на ковриках она куда ближе.

Как только молитвы были вознесены, а религиозный долг отправлен, коврики свернули и убрали. Аллах тоже убрался на задний план умов своих приспешников.

Есть было еще рано. Но пить уже не рано.

В Танжере есть места, приспособленные для этого, будь ты хоть мусульманский трезвенник, хоть нет.

Две дюжины человек отправились в одно из таких мест. Но не пошли пешком по улицам, а поехали автокортежем из четырех «Хаммеров», бронированных по американским военным стандартам и способных противостоять не только пулям, но и большинству ракет. Как и автобусы, эти автомобили казались чересчур громоздкими для узких улочек. Главный ехал в третьем «Хаммере», прикрытом и спереди, и сзади.

Звали его Халид бен Талал. Он был саудовским принцем,

двоюродным братом короля. И одна лишь эта связь обеспечила ему уважение во всех уголках мусульманского и христианского миров.

В Танжере он бывал нечасто. И сегодня прибыл по делу. Запланировал отбыть в ранние утренние часы на собственном реактивном лайнере, обошедшемся куда больше ста миллионов долларов. Ошеломительная сумма едва ли не для всякого, но меньше процента его чистых активов. Саудиты – близкие союзники Запада вообще и Америки в частности, во всяком случае, на публике. Стабильный поток нефти – залог доброй дружбы. Мир летит на всех парах, и обитатели пустыни, где толком ничего не растет, могут позволить себе купить самолет за девятизначную цену.

Однако этот саудовский принц был не так уж и дружелюбен. Талал ненавидел Запад. И американцев пуще всех. Открыто занимать подобную позицию против оставшейся мировой сверхдержавы опасно.

Талала подозревали в похищении, пытках и убийстве четверых военнослужащих США, насильно захваченных в лондонском клубе. Впрочем, доказать ничего было нельзя, так что принцу все сошло с рук. Также его подозревали в финансировании трех террористических атак в двух разных странах, приведших к гибели свыше ста человек, дюжина из которых были американцами. И опять же, доказать ничего было нельзя, и все обошлось без последствий.

Но за эти действия Талал в конце концов угодил в список.

И расплата за пребывание в этом списке должна вот-вот наступить с полнейшего благословения саудовского руководства. Он просто стал чересчур докучливым и амбициозным, чтобы позволять ему жить.

Люди, прибывшие сюда на встречу, тоже не питали особых симпатий ни к Западу, ни к американцам. У них с Талалом было много общего. Им виделся мир, где впереди не будут развеиваться звезды и полосы. И собрание должно было обсудить, как воплотить это видение в жизнь. И сей конклав содержался в строжайшем секрете.

Ошибка их состояла в том, что они позволили этому строжайшему секрету перестать быть секретом.

Вход в клуб преграждала металлическая дверь с цифровым замком. Головной охранник Талала набрал десятизначный код, менявшийся ежедневно. Дверь шестидюймовой толщины с гидроприводом захлопнулась за ними. В стратегических точках были установлены взрывозащитные стены. По внутреннему периметру расставлена вооруженная охрана. Такие серьезные меры безопасности по карману очень немногим.

Принц и его группа уселись за большой круглый стол в огражденной канатами зоне, скрытой за драпировками и устроенной на возвышенной платформе из тикового дерева. Глаза принца все время бегали, оценивая окружающую обстановку. Он пережил два покушения; одно организовал кузен, другое – французы. Кузен теперь покойник, равно как и

лучший наемный убийца Франции.

Талал не доверял никому, понимая, что американцы уже на подходе, раз их французский союзник сел в калошу. Его охрана – тесно сплоченные, лояльные ветераны, не подпускающие чужаков. Ни белые, ни черные, ни латиносы даже близко к его внутреннему кругу не подойдут. И сам он вооружен. Он хороший стрелок. Не снимает своих зеркальных очков от солнца даже в помещении. Нипочем не угадаешь, куда он смотрит. Да и линзы сделаны специально. Их увеличение позволяет увидеть то, чего невооруженным взглядом и не заметишь. Но на затылке глаз у него нет.

Подоспел официант в униформе, но не с напитками, а только с салфетками. Принц привез бокалы и алкоголь с собой. Быть отравленным в его повестку дня не входило. Он налил себе джину «Бомбей Сапфир» и добавил тоника. Отхлебнул, обегая взглядом помещение, мысленно отчасти сосредоточившись на предстоящей встрече. Он был готов ко всем непредвиденным случайностям.

Кроме раздутой простаты.

С этой докукой не в силах совладать даже его богатство. Отправить кого-нибудь помочиться вместо себя Талал не мог.

Его люди убедились, что туалет пуст и свободен от взрывчатки, а проникнуть в него можно только через единственную дверь. Помощник протер раковину, стульчак и кабинку салфетками с антибактериальным спреем. До писсуаров

царственные миллиардеры снисходят нечасто.

Талал вошел в обеззараженную кабинку, закрыл за собой дверь и запер щеколду, воспользовавшись для этого носовым платком. Свой халат перед приходом сюда он сбросил, одевшись в сшитый на заказ костюм, обошедшийся в десять тысяч британских фунтов. У него полсотни таких костюмов; он даже и не вспомнит, где они все, потому что они разбросаны по его многочисленной недвижимости по всему миру. Он ни разу не летал коммерческими рейсами, даже в юности. В каждом из его домов своя команда слуг. Если он и оставался в отелях, то в самых изысканных, снимая целые этажи, чтобы ему не приходилось терпеть вид чужаков, когда он выходит из своего номера. Его повсюду доставляли либо автокортежем, либо вертолетом. Люди его достатка не торчат в пробках. Его жизнь рафинированной роскоши просто невообразима. И его это вполне устраивало, потому что, по собственному мнению, он не такой, как другие человеческие существа.

«Я лучше. Куда лучше».

И всё же ему требовалось расстегнуть молнию в ширинке, чтобы сделать свое дело – точь-в-точь как любому другому человеку, богатому или бедному. Он разглядывал стену перед собой, исчерченную граффити и непристойными надписями. И наконец с отвращением отвел взгляд. Это западное влияние принесло им подобную пакость, в этом Талал не сомневался. В западном мире женщины могут водить машины,

голосовать, работать вне дома и одеваться, как шлюхи. Это пагуба, разрушающая мир. Даже в его стране теперь поговаривают, что женщины могут голосовать и заниматься другими вещами, делать которые пристало только мужчинам. Король же – безумец и, что хуже, марионетка Запада.

Талал нажал на рычаг спуска подошвой, застегнул брюки и отпер дверь кабинки. Моя руки, разглядывал свое отражение в зеркале. На него смотрел пятидесятилетний мужчина с сединой в бороде и изрядным брюхом. Он стоит куда поболее двадцати миллиардов долларов, что делает его шестьдесят первым из богатейших людей планеты, согласно журналу «Форбс». Взяв свои нефтяные деньги, Талал вложил их во многие прибыльные предприятия, опираясь на свою деловую смётку и международные связи. В списке он втиснут между российским олигархом, при помощи бандитской тактики практически даром прибравшим к рукам государственные активы после падения Советского Союза, и техническим корольком двадцати с чем-то лет, чья компания не принесла и гроша прибыли.

Покинув туалет, Талал направился обратно к столу в окружении телохранителей, образовавших вокруг него строй в форме бриллианта. Эту тактику он перенял у американских секретных служб. Личный врач путешествовал вместе с ним, как и врач президента США. «Почему бы не подражать сильнейшим?» – думал Талал.

И мысленно считал себя не менее важным, чем американ-

ский президент. Правду говоря, он предпочел бы сместить того с поста лидера свободного мира де-факто. Хотя под его началом мир будет далеко не таким свободным, начиная с женщин...

Покончив с аперитивом, они перешли для вечерней трапезы в ресторан, снятый целиком, чтобы принц мог отужинать в мире и покое, не опасаясь вмешательства чужаков. После этого он переоделся обратно в халат и вернулся на свой самолет, размещенный в надежном ангаре частного авиапарка под городом. Въехав сквозь открытые ворота ангара, «Хаммеры» остановились перед массивным воздушным судном. Хотя большинство самолетов красят в белый цвет, этот был целиком черным. Принц любил черный цвет, считая его мужественным, могучим и не лишенным осязаемого элемента опасности.

В точности как он.

«Хаммер» Талал покинул, лишь когда ворота ангара полностью сомкнулись. Никаких шансов прицелиться из снайперской винтовки в щелочку ворот.

Поднялся по трапу, чуточку запыхавшись, пока добрался до верхней ступеньки.

Вновь ворота ангара откроются, лишь когда самолет будет готов к взлету.

Встреча состоится на борту, пока самолет будет на земле. Продлится час. Контролировать ее будет принц.

Он привык держать ситуацию под контролем.

Но осталось уже недолго.

Глава 6

У основания трапа, ведущего на самолет, стояли двое охранников. Остальные силы безопасности находились на борту, со всех сторон обступив потенциально главную мишень любого нападения. Дверь фюзеляжа закрыта и заперта. Он как сейф. Крайне дорогой. Но, как и все сейфы, не лишен слабинок.

Принц сидел во главе стола в главной части салона. Интерьер обустроили по его собственным замыслам – почти восемь тысяч квадратных футов мрамора и экзотических пород древесины, восточных ковров и изысканных полотен и скульптур давно покойных художников музейного класса, дабы он мог любоваться ими на высоте сорока одной тысячи футов и на скорости пятьсот миль в час. Талал из тех, кто тратит свои деньги, чтобы насладиться своим богатством.

Он оглядел сидящих за столом. Двое гостей. Один русский, другой палестинец. Маловероятный союз, но он заинтриговал принца.

Они обещали, что за подходящую цену могут осуществить нечто такое, что практически все, и Талал в том числе, сочтут невозможным.

Принц покашлял.

– Вы уверены, что справитесь? – Голос его был полон недоверия.

Русский – крупный мужчина с окладистой бородой и лысиной, придававшими ему неуравновешенный, перетяженный книзу облик, кивнул неспешно, но твердо.

– Мне любопытно, как такое возможно, потому что мне сказали, что совершенно бессмысленно даже пытаться, – сказал принц.

– Крепчайшая из цепей рвется по самому слабому звену, – подал голос палестинец – мелкотравчатый, но с еще более окладистой бородищей, чем у русского. Вдвоем они как буксир и линкор, но совершенно очевидно, что лидер в этом союзе – коротышка.

– И где же это слабейшее звено?

– Одно лицо. Но это лицо находится рядом с желаемым для вас. И это лицо принадлежит нам.

– Не вижу, как такое возможно, – заметил принц.

– Это не просто возможно. Это факт.

– Пусть даже так. А как с доступом к оружию?

– Работа этого лица – обеспечивать доступ к оружию.

– И как же вы завладели подобным лицом?

– Эти подробности несущественны.

– Для меня существенны. Значит, это лицо должно идти на смерть. Иначе быть не может.

– Это условие выполнено, – палестинец кивнул.

– Почему? Уроженцы Запада так не поступают.

– Я не сказал, что это лицо с Запада.

– Внедрение?

– Готовилось десятилетиями.

– Зачем?

– А зачем кто-либо из нас делает что-либо? Мы верим в определенные вещи. И должны предпринять шаги, чтобы воплотить эту веру в жизнь.

Принц с заинтригованным видом откинулся на спинку кресла.

– Планы составлены. Но, как вам известно, для подобного требуются значительные средства. Изрядная часть для последующего. На данный момент наше лицо в безопасности. Но это может в ближайшее время измениться. Глаза и уши повсюду. Чем дольше мы ждем, тем больше вероятность, что наша миссия провалится еще до того, как ей будет дан хоть один шанс на успех.

Принц пробежался пальцами по резной деревянной столешнице, бросив взгляд в иллюминатор. Иллюминаторы были особенно велики, потому что ему нравилось любоваться видами с высоты.

Сверхзвуковая пуля угодила ему прямо в лоб, взорвав мозг. Откинувшись на кожаное сиденье, он медленно сполз на пол. Некогда прекрасный интерьер забрызгали ошметки серого вещества, кровь и осколки костей.

Русский подскочил на ноги, но оружия у него не было, потому что его конфисковали перед трапом. Палестинец же, оцепенев, не мог даже шелохнуться.

Охранники отреагировали. Один указал на разбитый ил-

люминатор:

– Там!

Они бросились к двери.

Двое телохранителей у трапа выхватили оружие и теперь стреляли в источник фатального выстрела.

Пули барабанили вокруг позиции Роби. Прицелившись, он выстрелил в ответ. Первый часовой упал от смертельного выстрела в голову. Второй повалился несколько секунд спустя с пульей в сердце.

Нацелив из своего «вороньего гнезда» винтовку на дверь самолета, Роби сделал пять выстрелов в ее центр, выведя из строя механизм открывания. Затем повернулся и разнес фонарь кокпита, а вместе с ним и системы управления самолетом. На какое-то время эта большая птица отлеталась. К счастью для его миссии, пуленепробиваемые материалы слишком тяжелы и толсты, чтобы превращать самолеты в броневики. Это просто сейф за сто миллионов долларов с громадной ахиллесовой пятой.

На этом он с убийствами покончил.

Теперь самое трудное.

Отход.

Роби шел по ферме, балансируя, как канатоходец, пока не достиг стены в дальнем конце ангара. Распахнул окно, прикрепил свой трос к анкерному кольцу, ввернутому вчера ночью, и дюльфером спустился по стене. Едва коснувшись подошвами асфальта, побежал строго на восток, прочь от ан-

гара и мертвого принца. Перемахнув через ограду, свалился с другой стороны. Позади слышались крики. Темноту рассекали лучи прожекторов. В его сторону полетели пули, но все очень далеко от цели. Однако полагаться, что так будет и дальше, не стоит, понимал он.

Подъехала машина. Швырнув снаряжение на заднее сиденье, Уилл запрыгнул, и машина отъехала еще до того, как дверца захлопнулась. Он не смотрел на водителя, а тот не смотрел на него. Проехав всего несколько миль, до предместий Танжера, автомобиль затормозил. Роби выскользнул, по переулку прошел еще футов пятьсот и вошел в тесный дворик, где стоял синий «Фиат». Усевшись на место водителя, выудил ключи из-под козырька, завел двигатель, дал газу и выехал со двора. Через пять минут он уже подъезжал к центру Танжера. Проехав через весь город, припарковал машину у порта. Поднял торцовый люк и вынул небольшую сумку с одеждой и прочими необходимыми вещами, включая проездные документы и местную валюту.

Но сел не на тот скоростной паром до Испании, которым прибыл сюда, а на тихходный, добирающийся из Барселоны до Танжера за двадцать четыре часа, а обратно – еще на три часа дольше.

Работодатель раскошелился на трехместную семейную каюту, а не просто на сиденье. Зайдя в каюту, Роби убрал сумку, запер дверь и улегся на кровать. Через несколько минут паром отвалил от причала.

Уилл понимал логику решения. Никто и не подумает, что убийца улизнет на судне, добирающемся до места назначения целые сутки. Будут проверять аэропорты, скоростные паромы, шоссе и железнодорожные вокзалы. Но только не грузное старое корыто, которому требуется двадцать семь часов, чтобы одолеть пару сотен миль по Средиземному морю. Фактически же он прибудет через два дня, потому что уже почти полночь.

У Роби с собой был направленный микрофон, позволивший ему прослушать беседу на самолете между принцем и двумя другими. Доступ к оружию. Десятилетия внедрения... Значительные средства на то, что последует... Это расследуют. Но это не его работа. Он свое задание выполнил. Он отрапортует, и эстафету примут другие. Роби не сомневался, что даже саудовская королевская династия вздохнет с облегчением от того, что паршивую овцу из их стада прикончили. В официальном заявлении сей акт насилия будет предан гневному осуждению. Потребуют всестороннего расследования. Будут вставать в позу, пылать негодованием и причитать. Будет произведен обмен напряженными дипломатическими нотами. Но в частной обстановке они будут поднимать тосты за причастных к убийству. Иначе говоря, пить за американцев.

Операция прошла чисто. Роби держал принца на перекрестье прицела с того самого момента, как тот вышел из своего внедорожника. Уилл мог снять его, но хотел дожидаться, ко-

гда принц с охраной будет на борту самолета. Если команда безопасности застрянет в самолете, это даст ему больше времени, чтобы уйти. Войдя в самолет, принц пропал у него из виду примерно на полминуты, но снова оказался на прицеле, как только прошагал по проходу и сел за стол.

Роби целился Талалу в голову, хоть это и более трудная мишень, потому что разглядел кое-что через телескопический прицел. Когда принц подался в кресле вперед, стали видны ремни под его халатом. Он был в бронежилете. На голову же бронежилет не напялишь.

Роби провел три дня и три ночи своей жизни на высоком насесте, справляя малую нужду в банку и питаясь протеиновыми батончиками в ожидании, когда объект окажется в помещении, якобы опечатанном и совершенно безопасном.

Теперь принц мертв.

Его планы умрут вместе с ним.

Уилл Роби закрыл глаза и уснул под плавное покачивание парома, неспешно пересекавшего спокойные воды Средиземного моря.

Глава 7

А вот это дело совсем другое.

Близко от дома.

Настолько близко, что просто *дома*.

Минуло почти три месяца со времени Танжера и гибели Халида бен Талала. Погода стала чуть прохладнее, небо – чуть серее.

За это время Роби не убил никого. Столь долгий период бездействия для него был в диковинку, но он не сетовал. Прогуливался, читал книги, питался вне дома, даже пускался в путешествия, не требовавшие ничьей смерти. Иначе говоря, вел себя нормально.

Но потом появился флеш-накопитель, и Роби пришлось перестать быть нормальным и снова взяться за пистолет. Задание поступило два дня назад. Времени на подготовку в обрез, но миссия приоритетная, поведала флешка. А когда она говорила, Роби действовал.

Он сидел в кресле своей гостиной с чашкой кофе в руке. Было раннее утро, а Уилл провел на ногах уже несколько часов. По мере приближения следующей миссии становилось все труднее уснуть. С ним всегда так было – не столько из-за нервозности, сколько из желания как можно лучше подготовиться. Пока он бодрствовал, какая-то часть мозга неустанно наводила на план глянец, отыскивая погрешности и исправ-

ляя их. Во сне Роби этого делать не мог.

Во время вынужденного простоя он взялся за предыдущий план побольше общаться и даже принял приглашение на неофициальную вечеринку, устроенную одним из соседей в своей квартире на третьем этаже. Пришла всего дюжина человек, некоторые из которых тоже жили в этом доме. Сосед представил Роби нескольким из своих друзей. Однако его внимание вскоре сфокусировалось на одной молодой женщине.

Она сняла здесь квартиру совсем недавно и пускалась в путь к Белому дому на своем велике в четыре утра. Роби знал, где она работает, потому что был проинформирован и о ней. И знал, что она уезжает на работу так рано, поскольку частенько наблюдал за ней через глазок.

Она намного моложе Роби, очаровательна, интеллигентна, насколько он мог заметить. Несколько раз их взгляды встречались. Может статься, чуял Уилл, что друзей у нее не больше, чем у него. А заодно чуял, что если заговорит с ней, она не станет возражать. На ней была короткая черная юбка и белая блузка, волосы убраны назад в конский хвост. Держа в руке бокал, она то и дело поглядывала в сторону Роби, улыбалась, а потом снова отводила взгляд и продолжала беседу с другим персонажем, не знакомым Роби.

Несколько раз Уилл подумывал подойти к ней. И всё же удалился с вечеринки, так и не сделав этого. Уже уходя, оглянулся на нее. Она смеялась над чьей-то репликой и даже не

посмотрела в его сторону. Пожалуй, оно и к лучшему, подумал он. Потому что на самом деле – какой смысл?

Встав, Роби поглядел за окно.

Уже осень. Листва в парке начала желтеть. По вечерам зябко. Летняя духота еще не в диковинку, но уже не такая докучная. Стоящая погода недурна для города, выстроенного на болоте – и остающегося болотом, по мнению многих; во всяком случае, в той части, где свили гнездышко профессиональные политики.

Роби провел рекогносцировку в усеченном варианте, насколько позволяло отведенное время. Прогоня с осложненной в подобной ситуации логистикой еще не закончены.

И все же ему это не нравится.

Но это не его ума дело.

Чтобы добраться до места, Роби не потребуется ни самолет, ни поезд. Но и мишень другая. И не в лучшем смысле.

Порой он убирал субъектов, представляющих глобальную угрозу, вроде Риверы или Талала. А порой просто решал проблему.

Можно навешивать какие угодно ярлыки, но смысл в конечном итоге один и тот же. Его работодатели решали, кто из живущих и дышащих заслужил роль мишени. А потом обращались к людям вроде Роби, чтобы положить конец жизни и дыханию.

В оправдание твердя, что это делает мир лучше.

Скажем, бросив мощнейшую армию планеты против

безумца на Ближнем Востоке. Военная победа гарантирована изначально. А вот предсказать, что воспоследует за победой, было возможно не вполне. Вроде хаоса трансформации, вырваться из которого невозможно.

Угодить в западню, сотворенную собственными руками.

Агентство, на которое работал Роби, имело совершенно недвусмысленную политику в отношении оперативников, попавшихся во время задания. Признать, что Роби хоть когда-то работал на Соединенные Штаты, никто не станет. Не будет предпринято ровным счетом никаких мер по его спасению. Полная противоположность мантре морпехов США: в мире Роби своих бросают. Всех без исключения.

Так что на каждом задании Уилл припасал план отхода, известный только ему – на случай, если операция пойдет ко-со-криво. Использовать персональный резервный план ему ни разу не пришлось, потому что ни одной миссии он не провалил. И всё же... Завтра будет очередной день, когда что-нибудь может пойти наперекосяк.

Одним из тех, кто научил этому Роби, был Шейн Коннорс, признавшийся, что однажды ему пришлось пустить в ход собственный резервный план – в Ливии, когда операция разлетелась вдребезги, хоть и не по его вине.

– Ты там один-единственный, кто на самом деле прикрывает тебе спину, Уилл, – сказал ему Коннорс. Этому совету Роби следовал все эти годы. И никогда его не забудет...

Роби окинул квартиру взглядом. Он прожил здесь четы-

ре года, и она ему по большей части по душе. До ресторанов рукой подать. Район интересный, с множеством необычных магазинчиков, не входящих ни в какие гомогенные национальные сети. Роби частенько трапезничал вне дома. Ему нравилось сидеть за столом, наблюдая за прохожими. В каком-то смысле он исследователь человечества. Потому-то и жив до сих пор. Он умеет читать людей, зачастую понаблюдав за ними всего несколько секунд. И это отнюдь не врожденный талант, а искусство, отточенное годами, как самое полезное из умений.

В подвале дома есть спортивный зал, куда Уилл ходил тренироваться, чтобы подтянуть мускулатуру, отточить моторные навыки, применять приемы, нуждающиеся в практике. И был единственным, кто вообще пользовался залом. Упражняться с оружием и прочими орудиями своего ремесла он ходил в другие места. К другим людям, с которыми работал.

И в сорок лет легче отнюдь не стало.

Роби подвигал шеей вперед-назад и был вознагражден удовлетворительным щелчком.

Услышал, как в коридоре открылась и закрылась дверь. Подошел к глазку и проследил, как женщина ведет свой велосипед по коридору. Та самая, с вечеринки, работающая в Белом доме. По пути на работу она надевает джинсы – наверное, переодевается в официальный прикид уже на месте. Она всегда утром покидает дом первой, если только Роби

еще не отбыл по какой-то причине.

«А. Ламберт».

Это имя значится на почтовом ящике внизу. Он знал, что «А.» – это «Анна». Так говорят данные, предоставленные на нее.

На его собственном ящике написано просто «Роби». Никаких инициалов. Он даже не представлял, вызывает ли это у людей недоумение или нет. Впрочем, скорее нет.

Ей под тридцать, высокая, длинные светло-русые волосы, худенькая. Когда она только-только въехала, Роби однажды видел ее в шортах. Ноги немного иксыком, но черты лица изящные, с родинкой под правой бровью. Он слышал, как она спорит в коридоре с коллегой-квартиросъемщиком, недовольным нынешней администрацией. Ее резкие, информированные ответы произвели на Роби впечатление.

Он начал мысленно называть ее «А».

Она вместе с велосипедом скрылась в лифте, и Роби, отойдя от двери, переместился к другому окну с видом на улицу. Минуту спустя, покинув здание, «А» забралась на велосипед и укатила. Роби провожал ее взглядом, пока она не свернула за угол, и световозвращающие полоски на ее рюкзаке и шлеме скрылись из виду.

Следующая остановка: Пенсильвания-авеню, 1600.

Четыре тридцать утра.

Повернувшись к окну спиной, Уилл окинул взором свое жизненное пространство.

В квартире ровным счетом ничего такого, что поведало бы тем, кто затеет здесь обыск, чем он занимается. У него есть официальная должность, которую полностью поддержат, буде кто-либо пустится в расспросы. И все равно эта квартира совершенно непримечательна и почти не несет отпечатка его личности. Ему это больше по вкусу, чем пользоваться услугами других, изобретающих для него прошлое, расставляющих по квартире фотографии людей, вовсе ему не знакомых, и выдающих их за родственников или друзей. «Персонификация» жилища теннисными ракетками, лыжами, кляссерами с коллекциями марок или музыкальными инструментами – стандартная процедура. Роби отвергал все подобные предложения. Только кровать, несколько стульев, немного книг, которые он читал на самом деле, лампы, столы, закуток для еды, закуток с душем и туалетом.

Ухватившись за перекладину над дверным проемом спальни, Уилл быстренько подтянулся двадцать раз. Хорошо чувствовать мышцы в движении, легко поднимающие его вес к перекладине. На дистанции он дал бы фору большинству двадцатилетних с чем-то. Его сила и моторные навыки по-прежнему превосходны. И все же ему же сорок, и он явно уже не тот, что прежде. Остается лишь уповать, что неизбежная деградация рефлексов и физической формы скомпенсируется накопленным полевым опытом.

Роби лег на кровать, но накрываться не стал. Он поддерживает в квартире прохладу. Нужно поспать.

Ночка грядет хлопотливая.

И *другая*.

Глава 8

Роби находился в подвальном спортзале своего дома. Было почти девять вечера, но для жильцов зал открыт двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю. Нужен лишь ключ-карта. В одном отношении тренировки Роби никогда не менялись: он никогда не проделывал один и тот же комплекс дважды подряд. Уилл был нацелен не на силу, выносливость, равновесие или ловкость. Он был нацелен на все эти качества разом. Каждое его упражнение требовало не меньше двух, а порой и всех этих элементов.

Он повисел на перекладине вверх ногами. Прodelал сгибания на пресс, а затем принялся прорабатывать косые мышцы, держа медбол. Армия США разработала функциональный режим фитнеса, имитирующий действия солдат на поле боя, задействующий мышцы и навыки, необходимые в схватке.

Придерживаясь той же концепции, Роби работал над теми вещами, которые необходимы, чтобы выжить *там*. Выпады, броски, взрывная мощь от пяток до макушки. Всё задействовано с полнейшей слаженностью. Верхняя и нижняя части корпуса одновременно, пока он дожимал корсетные мышцы до отказа. Рельеф у него безупречный, но рубашку Роби никогда не снимал. Он ни за что не стал бы демонстрировать кубики пресса, если только это не потребуется для миссии.

Уилл добрых полчаса занимался йогой, пока весь не взмок от пота. И держал крест на кольцах, когда дверь вдруг открылась.

На него уставилась А. Ламберт.

Не улыбнулась и даже не подала виду, что узнала его. Просто закрыла дверь за собой, прошла в угол и села на мат, скрестив ноги. Роби продержал крест еще тридцать секунд – не ради того, чтобы произвести впечатление, ведь она на него даже не глядела. А чтобы заставить тело выйти за пределы того, к чему оно привыкло. Иначе он просто теряет время попусту.

Закончив, Уилл легко спрыгнул на пол. Подхватил полотенце и утер лицо.

– По-моему, вы единственный, кто пользуется этим залом.

Опустив полотенце, он обнаружил, что теперь она смотрит прямо на него.

На ней были джинсы и белая футболка. И то, и другое обтягивающее. Спрятать оружие негде. Роби всегда первым делом проверял именно это, будь перед ним мужчина или женщина, подросток или старик.

– Вы же здесь, – заметил он.

– Не тренироваться.

– Тогда зачем же?

– Жаркий день в конторе. Просто поостыть.

Уилл оглядел небольшой, скверно освещенный зальчик, пропахший застарелым потом и плесенью.

– Наверняка, чтобы остыть, есть местечки и поуютнее.

– Я не ожидала встретить здесь хоть кого-то.

– Разве что кроме меня. Судя по вашим словам, вы знали, что я пользуюсь залом.

– Я сказала так только потому, что увидела вас тут нынче вечером, – пояснила она. – Прежде я вас тут не видела, да и никого другого, если уж на то пошло.

Ответ он знал, но все равно спросил:

– Значит, жаркий день в конторе. И где же вы трудитесь?

– В Белом доме.

– Впечатляет.

– В иные дни это не кажется таким уж впечатляющим. А вы?

– Инвестиции.

– Работаете на одну из больших компаний?

– Нет, я сам по себе. С самого начала. – Роби накинул полотенце на плечи. – Что ж, пожалуй, оставлю вас здесь прохладиться.

Однако на самом деле он еще не хотел уходить. Наверное, она это почувствовала.

– Я Энни, – встав, сказала она. – Энни Ламберт.

– Здравствуйте, Энни Ламберт.

Они обменялись рукопожатием. Пальцы у нее были длинные, гибкие и удивительно сильные.

– А у вас имя есть? – поинтересовалась она.

– Роби.

– Это имя или фамилия?

– Фамилия. На почтовом ящике написано.

– А по имени?

– Уилл.

– Это оказалось потруднее, чем должно бы, – она обезоруживающе улыбнулась. Роби поймал себя на том, что расплылся в ответ.

– Я не самый свойский парень из тех, что вам встречались.

– Но я же видела вас на вечеринке на третьем этаже позавчера вечером.

– Это мне малость не свойственно. Я впервые пропустил бокальчик мохито за долгое время... Может, мы могли бы изредка сходить куда-нибудь выпить. – Роби и сам не знал, с чего вдруг это сорвалось с его губ.

– Ладно, – небрежно отозвалась Энни. – Годится.

– Доброй ночи, – сказал Уилл. – Хорошо вам прохладиться.

Закрыв за собой дверь, он на лифте поднялся на свой этаж.

И сразу же позвонил. Вообще-то ему не хотелось этого делать, но обо всех контактах надо немедленно докладывать. Роби не думал, что есть основания беспокоиться из-за Энни Ламберт, но правила вполне недвусмысленны. Ее изучат более тщательно. Если что-нибудь всплывет, Роби уведомят и предпримут надлежащие действия.

Сидя в кухне, Уилл ломал голову, следовало ли звонить

вообще. Ему больше не суждено воспринимать что бы то ни было по-человечески. Тот, кто проявляет к нему дружелюбие, – потенциальная угроза. Об этом надо доложить.

О «прохлаждающейся» женщине, поздоровавшейся с ним, надо доложить.

«Я живу в мире, даже отдаленно больше не напоминающем нормальный. Если он вообще когда-нибудь таким был. Но я-то не всегда буду таким. И у агентства нет никаких правил, запрещающих выпить в компании с кем-нибудь». Так что, может, он и будет. Изредка.

Покинув дом, Уилл пересек улицу. Из тамошней многоэтажки открывается прекрасный вид на его дом, в том-то и дело. На четвертом этаже была пустая квартира. У Роби имелся ключ от нее. Войдя в квартиру, он направился напрямик в самую заднюю комнату. Там был установлен прибор наблюдения, считающийся одним из лучших в мире. Включив его, Уилл направил его жерло на свой дом. Нажимал на кнопки и вертел лимбы, делая регулировки, пока не навел резкость на определенную часть здания.

Его этаж, четвертая дверь по коридору. Свет горит, жалюзи подняты на три четверти. Роби ждал. Десять минут. Двадцать. Ничего не менялось.

Открылась и закрылась входная дверь Энни Ламберт. Она направилась по коридору. Роби поворачивал прибор размеренными движениями, отслеживая ее путь. Остановившись в кухне, она открыла холодильник и вынула «Диет-колу» –

прибор позволял без труда прочесть этикетку, — затем захлопнула холодильник толчком бедра. Наполнила стакан до половины газировкой, а вторую половину долила ромом, выудив бутылку из шкафчика над плитой.

Пошла по коридору. На подходе к спальне расстегнула молнию джинсов, стащила их и швырнул в корзину с грязным бельем. Поставив напиток на пол, стянула майку через голову. Ее нижнее белье оказалось розовым, причем вовсе не стрингами, покрывая всю попку целиком.

Роби этого не видел. Он отвернул свой прибор наблюдения, как только она начала расстегивать брюки. Прибор стоит пятьдесят кусков, и негоже пользоваться им для жалкого вуайеризма.

Вернувшись в свой дом, Уилл поднялся на лифте на верхний этаж.

Запертая дверь вела на крышу. Нехитрый замок был не помехой. Роби перемахнул короткий лестничный пролет, ведущий на кровлю здания. Подошел к самому краю и поглядел на город.

Ему ответил взглядом Вашингтон, округ Колумбия.

Ночью это очаровательный город. Монументы, подсвеченные луной на фоне темных небес, выглядят особенно величественно. По мнению Роби, округ Колумбия — единственный город в Соединенных Штатах, воистину конкурирующий с великими городами Европы, если речь заходит об официальном декоре.

Но заодно это еще и город секретов.

Роби и люди вроде него – один из этих секретов.

Сев спиной к стене, Уилл поглядел вверх.

А. Ламберт официально стала Энни Ламберт. Знать это из информационной справки – совсем не то же самое, что услышать собственными ушами.

А он доложил на нее всего-навсего за то, что она, наверное, просто была дружелюбной.

Жаркий день в конторе. Просто нужно место поостыть.

Это Роби знает на собственной шкуре. На его долю тоже перепадали жаркие дни в конторе. И ему не помешало бы местечко, чтобы поостыть.

Но не складывалось.

Приняв душ, он переоделся в свежее. Потом вооружился. Пора на работу.

Глава 9

Очередная приемная семья, где ей быть вовсе не хочется. Сколько уже? Пять? Шесть? Десять? Да какая разница!

Она прислушалась к крикам, доносящимся с нижнего этажа дуплекса³, который называла домом последние три недели. Мужчина и женщина, оружие друг на друга, – ее приемные родители. Это даже не смешно, подумала она. Это уговорка. *Они* уголовники. Держат в доме целую стаю приемных детей, выращивая из них карманников и торговцев наркотой.

Она отказывалась шарить по карманам и толкать наркоту. Так что сегодня ее последний вечер здесь. Она уже набила рюкзачок своими жалкими пожитками. В одной комнате с ней живут еще двое приемных детей – оба моложе, и ей претит оставлять их здесь.

– Я позабочусь, чтобы вам помогли, ребятки, – сев на кровать, сказала она. – Сообщу в соцслужбу, что тут творится. Лады? Они придут и заберут вас отсюда.

– А ты не можешь взять нас с собой, Джули? – со слезой в голосе спросила девочка.

– Хотелось бы, да не могу. Но я вытащу вас отсюда, обещаю.

³ Дуплекс – отдельно стоящий дом, поделенный на две секции, объединенные одной крышей и боковыми стенами; у каждой из секций свой вход. Рассчитан на две семьи.

– Тебе не поверят, – возразил мальчик.

– А вот и поверят. У меня есть *улики*.

Обняв каждого, она открыла окно, выбралась наружу, сползла по водосточной трубе на плоскую кровлю пристроенного навеса для автомобиля, добралась до опорной стойки, спустилась на землю и побежала во тьму.

В голове билась только одна мысль.

«Я возвращаюсь домой».

Родной дом – дуплекс даже меньше того, который она только что покинула. Проехала на подземке, потом на автобусе, а потом пошла пешком. По пути достала конверт, поднялась по ступеням большого кирпичного государственного здания и сунула конверт в щель для почты в двери. Письмо было адресовано женщине, занимавшейся передачей под опеку ее и двоих детишек, оставшихся в дуплексе. Она милая дама, желает лучшего, но совершенно погрязла в никому не нужных детях. В конверте была карточка памяти с фотографиями, на которых эта парочка жестоко обращалась со своими приемными детьми, занималась явно противозаконной деятельностью и сидела в полной отключке на диване с трубками для крэка и горстями пилюль на полном обозрении. Уж если и это не поможет, подумала Джули, тогда пиши пропало.

До дома она добралась час спустя. Через парадную дверь заходить не стала, а поступила, как всегда, когда возвращалась домой настолько поздно. Воспользовалась ключом, ко-

торый держала в туфле, чтобы пробраться в дом через заднюю дверь. Попыталась включить свет, но ничего не произошло. Это ее ничуть не удивило. Значит, электричество просто отключили, потому что счет за коммунальные услуги не оплатили. Она ощупью двинулась вдоль стен, при свете луны сквозь окна ориентируясь достаточно хорошо, чтобы добраться до своей спальни на втором этаже.

Ее комната ничуть не изменилась. Сыро, но это *ее* сырость. Гитара, повсюду горы нотных листов, одежды и журналов. Матрас на полу, служивший ей кроватью, но почти заваленный остальным барахлом. Джули рассудила, что родители не стали прибираться у нее в комнате, потому что знали, что она вернется.

У них проблемы. Уйма проблем.

Большинство сочли бы их жалкими, обкуренными неудачниками.

Но они – ее родители. Они любят ее.

А она любит их.

Она хотела заботиться о них.

В возрасте четырнадцати лет Джули зачастую была и мамой, и папой, а родители зачастую были детьми. Она несла за них ответственность, а не наоборот. Но это не беда.

Она знала, что сейчас они наверняка спят. Хочется надеяться, не в отключке.

На самом деле на горизонте наметилось прояснение. Отец трудится на погрузочной площадке и зарабатывает уже це-

лых два месяца. Мать работает официанткой в закусочной, где двухдолларовые чаевые – исключение, а не норма. Это правда, что мама и папа – выздоравливающие наркоманы, но они каждый день встают и идут на работу. Просто проблемы с наркотиками и отсидки в тюрьмах заставляют город порой считать их непригодными для опеки над ней.

Отсюда и изгнание в систему патронажного воспитания.

Но не для нее. Больше нет. Теперь она дома.

Джули пощупала листок бумаги в кармане куртки – письмо от мамы, пришедшее в ее школу и оставленное в канцелярии. Ее родители планировали переехать отсюда и начать с чистого листа. И, конечно, хотели, чтобы их единственное дитя отправилось с ними. Джули уже давно не была так взволнованна.

Прошла через коридор до их спальни, чтобы наведаться к ним, но там было пусто. Их кровать, как и ее, была просто матрасом на полу. Но в комнате порядок. Мать прибирается здесь. Одежда убрана, хоть и в корзины. У них нет ни шкафов, ни комодов. Сев на кровать, Джули сняла висевшее на стене фото всех их втроем. В темноте разглядеть было трудно, но она в точности знала, кто там изображен.

Ее мать высокая и худая, отец пониже и еще более тощий. Вид у них нездоровый, да и откуда взяться здоровью? Годы злоупотребления наркотиками оставили неустрашимые шрамы, хронические проблемы, значительно укоротив жизни. И всё же они всегда были к ней добры. Никогда не обижали.

Заботились о ней, когда могли. Кормили ее, держали в тепле и безопасности – опять же, когда могли. Никогда не приносили проблемы с собой в дом. Все злоупотребления совершали вдали отсюда. Джули ценила это. И всякий раз, когда ее отдавали в приемную семью, они трудились не покладая рук, чтобы вернуть ее.

Повесив фото обратно на стену, она достала мамино письмо, присланное на адрес школы, и перечитала его. Инструкции вполне внятные. Джули была в восторге. Это может положить начало чему-то замечательному. Только они втроем и новая жизнь вдали отсюда. Единственное, что тревожило ее, – это план на случай непредвиденных обстоятельств, если они почему-то не смогут законтачить с дочерью. К письму прилагались наличные. Деньги предназначались для плана действий в чрезвычайных обстоятельствах. Что ж, встретиться с ней родителям ничего не мешает. Она предположила, что родители уезжают утром.

Направилась было к двери, чтобы вернуться в свою комнату и собрать вещи, которые не брала с собой в приемную семью.

И вдруг замерла.

Послышался шум, что не очень-то ее удивило, потому что родители порой задерживались далеко за полночь. Должно быть, пришли домой.

Но следующий услышанный звук заставил ее забыть обо всем.

Это был мужской голос. Но не отцовский.

На повышенных тонах. Злобный. Он спрашивал отца, что ему известно. Сколько ему сказали.

Услышала нытье отца, словно ему сделали больно.

Потом Джули услышала надрывный голос матери, умолявшей оставить их в покое.

Джули осторожно двинулась вниз по лестнице, дрожа всем телом.

Мобильника у нее нет, а то она вызвала бы полицию. Стационарного телефона в доме нет – родителям он был не по карману.

Услышав выстрел, на миг оцепенела, а потом бросилась вниз по лестнице бегом. Добравшись до низа, увидела отца, привалившегося к стене в темноте. Чужак целил в него из пистолета. На груди отца быстро расползлось темное пятно. Лицо его мертвенно побледнело. Он повалился на пол, опрокинув дергающимися руками лампу.

Обернувшись, вооруженный чужак увидел Джули и направил пистолет на нее.

– Нет! – взвизгнула ее мать. – Она ничего не знает!

И хотя весила едва ли сотню фунтов, ударила того под коленки, и он рухнул на пол. Пистолет отлетел далеко в сторону.

– Беги, солнышко, беги! – крикнула мать.

– Мам! – отозвалась Джули. – Мам, что...

– Беги! – снова взвизгнула мать. – Живо!

Повернувшись, Джули бросилась обратно вверх по лестнице – в тот самый миг, когда чужак с разворота нанес сокрушительный удар по макушке ее матери.

Добежав до своей комнаты, она схватила рюкзачок, бросилась к окну и ухватилась за металлическую шпалеру, прилаженную кем-то давным-давно для выращивания плюща. Полезла вниз настолько быстро, что сорвалась, и последние шесть футов пролетела. Поднялась, забросила рюкзак за плечи и побежала.

Несколько секунд спустя в доме раздался второй выстрел. Когда убийца выбежал на улицу, девчонки уже и след простыл.

Но он остановился, прислушиваясь. Расслышал звук шагов. И решительно устремился на запад.

Глава 10

Женщина пошла к своей машине. Наверное, думая о миллионе разных вещей, сунула портфель на заднее сиденье своего седана «Тойота» рядом с детскими сиденьями. Занятой профессионал, мать, домашняя хозяйка – список можно продолжать и продолжать, как и в отношении многих других женщин.

Ее черный костюм, как и большинство других ее вещей, был куплен со скидкой в магазине готового платья. Чуть-чуть испачкан после долгого дня, а ее каблуки с задирами в нескольких местах. Она небогата, но ее работа важна для страны. Это компенсирует то, что зарплата у нее поменьше, чем могла бы быть в частном секторе.

Ей за тридцать, рост пять футов девять дюймов, больше тридцати фунтов избыточного веса после последней беременности, а разобраться с этим совершенно некогда. У нее пара детей, одному три, а другому меньше года. Она как раз в процессе получения развода. Опека над детьми у нее и ее мужа, скоро бывшего, совместная. Неделю он, неделю она. Она хотела бы получить полную опеку, но при ее роде занятий с этим справиться трудновато.

Сегодня в графике произошло изменение. Перед возвращением домой ей пришлось сделать остановку. Она отъехала. В голове так и кишело от мыслей: проблемы по работе

вперемешку с потребностями двух активных детей. Для нее самой места попросту не остается. Но, наверное, такова цена материнства.

* * *

Запрокинув голову, Роби посмотрел на пятиэтажный многоквартирный дом. Похож на его собственный. Старый, обветшалый. Но он-то живет в хорошем районе столицы государства. А эта часть округа Колумбия страдает от уймы насильственных преступлений. Однако здешние окрестности становятся безопаснее. Здесь можно растить детей, не слишком беспокоясь, что ребенок погибнет по пути домой из школы, попав в перестрелку банд наркоторговцев, затеявших войну за господство на улицах.

Швейцара здесь нет. Передняя дверь заперта, и чтобы войти, нужна карточка-пропуск. У Роби она есть. Камеры наблюдения отсутствуют. Они стоят денег. Людям, живущим здесь, такие вещи не по средствам. Как и швейцар.

Роби перешел от боссов картеля к саудовским принцам. А на сегодняшнюю мишень досье было особенно легким. Черная женщина, тридцать пять лет. У него есть ее фото и ее адрес. Ему не сообщили конкретной причины, почему она должна умереть сегодня ночью, кроме того, что эта женщина связана с террористической организацией и глубоко законспирирована. Если б Роби потребовалось навесить на нее яр-

лык, он, вероятно, отнес бы ее в ящик «проблем», которыми его работодатель порой оправдывает смерть. Представление, чтобы кто-то из живущих здесь мог представлять глобальную угрозу, у него в голове не укладывалось. Такие склонны исхлопотать адреса пошикарнее или прятаться от закона в какой-нибудь стране, не выдающей преступников Соединенным Штатам. Но членов террористических ячеек учат сливаться с окружением. Очевидно, она – одна из них. В таком случае причина, по которой она должна умереть, – не его ума дело.

Роби бросил взгляд на часы. Квартиры в доме сплошь приватизированные, но занято меньше половины. После финансового краха пятьдесят процентов здешних жильцов лишились права собственности. Еще десять процентов потеряли работу и были выселены. Женщина живет на четвертом этаже. Она – квартиросъемщица, и закладная на подобное жилье ей не по карману, пусть даже конфискованное. На этом этаже живут только двое других – старушка, лишенная зрения и слуха, и охранник, сегодня ночью пребывающий на вахте в пятнадцати милях отсюда. Квартиры выше и ниже квартиры женщины тоже пустуют.

Подвигав шеей, Уилл ощутил щелчок. И накинул капюшон толстовки.

План запущен. Кнопка отбоя не предусмотрена. Ракета направлена, и процедура запуска началась.

Поглядел на часы. Его наблюдатель видел, как она вошла

в здание одна несколько часов назад с пакетом бакалеи в одной руке и портфелем в другой. Выглядела усталой, сообщил наблюдатель Роби. Но уж лучше такой вид, чем тот, что последует.

Именно в подобные моменты Уилл поневоле задумывался, что ему делать с остатком своей жизни. Он без проблем убивал картельное дерьмо и богатых пустынных шейхов-мегаломаньяков. Но сегодняшний вечер стал для него проблемой. Сунув руку в перчатке в карман, он нащупал лежащий там пистолет. Обычно прикосновение к оружию успокаивало его.

Сегодня – нет.

Должно быть, она в постели. В ее квартире темно. В этот час она должна спать.

Ну, хотя бы ничего не почувствует. Он уж позаботится, чтобы смерть была мгновенной. Жизнь продолжится без нее. Будь ты богат или беден, важная шишка или ничтожество, жизнь всегда продолжается. Уйдет он по пожарной лестнице, выходящей в переулок, как у многих из этих зданий, и к трем утра будет уже у себя дома. Как раз вовремя, чтобы лечь спать.

Забыть о случившемся.

«Как будто я на это способен».

Глава 11

Роби провел карточкой через считыватель, и дверь со щелчком открылась. Он натянул капюшон на голову потуже. Коридоры освещены скверно. Люминесцентные лампы хлопают и мигают. Ковер замызган и местами вспучен. Краска со стен облупливается.

Открыв дверь на лестницу, он начал подниматься. В воздухе пахло стряпней. Смешиваясь, запахи порождали не такой уж приятный аромат. Роби считал этажи. На четвертом покинул лестницу, прикрыв за собой дверь.

Коридор точь-в-точь такой же, как на первом этаже.

Ему нужна 404-я квартира.

Слепая и глухая дама живет в конце коридора слева. Отсутствующий охранник живет в 411-й. Замок в 404-й ригельный – видимо, заказанный его сегодняшней мишенью. Роби заметил, что в большинстве других входных дверей замки незатейливые. Ригельный означает, что она заботится о безопасности. И все же ему потребовалось всего-навсего тридцать секунд, чтобы одолеть замок с помощью двух изящных металлических загогулинок, пущенных в ход одновременно.

Закрыв за собой дверь, он надел прибор ночного видения. Обвел взглядом тесную гостиную. В розетку воткнут ночник, обеспечивающий мизерное освещение. Не играет роли. Роби дали план квартиры, и он запомнил все существенные

детали.

Его пальцы сомкнулись вокруг рукоятки пистолета в кармане. Глушитель на ствол уже накручен. Чтобы не терять время.

В одном углу комнаты круглый стол из ДСП. На нем ноутбук и стопки бумаги. Похоже, дамочка взяла работу на дом. На маленькой полке книги. Коврового покрытия нет, только истоптанные коврики.

В одном углу складной манеж. На двух стенах приклеены скотчем листы ватмана. На них корявые фигурки, составленные из палочек, – дети и женщина с растрепанными волосами. И детским почерком выведены слово «Я» и слово «маму», разделенные корявым рисунком сердца. А в одном углу груды игрушек.

И это заставило Роби замешкаться.

«Я здесь, чтобы убить молодую мать. На флешке о детях не было ни слова».

Потом в его наушнике раздался голос:

– Ты уже должен быть в спальне.

Этим сегодняшняя ночь тоже отличается. На нем микрокамера, передающая изображение в реальном времени, и микронаушник, через который его контролер может давать подсказки, чтобы он исполнил свою работу более эффективно.

Роби двинулся через комнату, остановившись перед закрытой дверью спальни.

Несколько мгновений прислушивался, приложив ухо к дешевой древесине, и услышал то, что и рассчитывал: негромкое дыхание, мягкое посапывание.

Взялся за ручку двери одетой в перчатку рукой, открыл дверь и ступил внутрь.

Кровать стояла у окна. Прямо у пожарного выхода. Во многих отношениях все складывается чересчур уж легко, как в кинодекорациях с выстроенным светом, дожидаящихся только, когда актеры исполнят кульминационную сцену. Тут было темно, но Роби видел женщину на двуспальной кровати. Ее грузное тело под одеялом образовывало немалый бугор. Изрядную часть веса она несла на бедрах и ягодицах. Роби понимал, что задача уложить ее на носилки, когда смерть будет констатирована, потребует некоторых усилий. Копы будут искать следы, но не найдут ни единого. Обычно Роби забирает гильзы и пули, но сегодня в магазине патроны с пулями дум-дум, так что они, скорее всего, останутся в ней. А если так, судмедэксперт найдет их во время вскрытия. Да только ему никогда не сыскать оружие, соответствующее им.

Выудив «Глок» из кармана, Уилл двинулся вперед. Когда хочешь гарантированно решить дело одним выстрелом, мест, подходящих для этого, не счесть.

Чтобы избежать выброса на себя крови и тканей, неизбежно следующего при контактном выстреле, Роби решил сегодня сделать смертельный выстрел с расстояния нескольких футов. Он выстрелит один раз в сердце, а затем для пущей

уверенности всадит следующую пулю в аорту толщиной с садовый шланг, идущую вертикально к сердцу. Перед аортой есть и другие вещи, но когда знаешь, куда стрелять, и угол правильный, выстрел рассечет этот шланг десять раз из десяти. Жертва истечет кровью молниеносно. А если пули почему-то пройдут навылет, то, скорее всего, застрянут в матрасе.

Быстро, чисто.

Встав перед кроватью, он поднял пистолет. Женщина лежала на спине. Роби взял ее сердце на мушку. Но вместо мишени на миг увидел мысленным взором игрушки, манеж, рисунок с подписью «Я сердечко маму». Тряхнул головой, чтобы прояснить мысли. Снова сфокусировался. Рисунок снова ворвался в мысли. Роби снова тряхнул головой. И...

Чуть вздрогнул, разглядев рядом с ней маленький комочек.

Торчащую головку с курчавыми волосами. Она была скрыта под одеялом. И он не нажал на спуск.

Голос в его ухе произнес:

– Стреляй.

Глава 12

Роби не выстрелил. Но, должно быть, издал какой-то звук.

Курчавая голова пошевелилась. Потом комочек сел. Мальчик потер глаза, зевнул, открыл глаза и уставился прямо на Уилла, стоящего перед ним, нацелив пистолет на его мать.

– Стреляй, – сказал голос. – Застрели ее!

Роби не выстрелил.

– Мамуля, – произнес мальчик испуганным тоном, не отводя взгляда от него.

– Стреляй, – твердил голос. – Сейчас же!

В голосе прорезались истерические нотки. Уилл не мог представить его лицо, потому что лично с контролером не встречался. Стандартная процедура агентства. Никто не может опознать никого.

– Мамочка! – Малыш заплакал.

– Пацана тоже застрели, – приказал контролер. – Давай!

Роби мог бы выстрелить и скрыться. Чпок в грудь. Одну большую, другую маленькую. Одна пуля дум-дум, выпущенная в ребенка, разнесет его внутренности. У него не будет ни шанса.

– Стреляй сейчас же, – настаивал голос.

Уилл не стрелял.

Женщина зашевелилась.

– Мамочка? – Сын тыкал в нее пальцами, но глаз от Роби не отводил. По его худым щекам заструились слезы. Его затрясло.

Мать медленно пробуждалась.

– Да, детка? – промямлила она сонным голосом. – Всё в порядке, детка, это просто кошмар. С мамочкой ты в безопасности. Бояться нечего.

– Мамочка! – Он подергал ее за сорочку.

– Ладно, детка, ладно. Мамочка проснулась.

Она увидела Роби. И оцепенела, но только на миг. А потом спрятала ребенка за спину.

И завизжала.

Уилл приложил палец к губам.

Она снова завизжала.

– Застрели их, – отчаянно воззвал контролер.

– Тихо, или я стреляю, – предупредил ее Роби.

Она не смолкла.

Он выпустил пулю в подушку рядом с ней. Набивка полетела во все стороны, а пуля, отклонившись из-за пружин матраса, впиалась в пол под кроватью.

Женщина прекратила вопли.

– Убей ее! – рявкнул контролер Роби в ухо.

– Тихо, – сказал тот женщине.

Она всхлипнула, обнимая сына.

– Пожалуйста, мистер, пожалуйста, не трогайте нас...

– Просто молчите, – велел Роби. Контролер продолжал

орать ему в ухо. Будь он в комнате, Уилл пристрелил бы говнюка, только бы заставить его заткнуться.

— Берите, что хотите, — залепетала женщина, — только, пожалуйста, не трогайте нас. Не трогайте моего малыша.

Она повернулась, обнимая сына. Приподняла его, прижавшись щекой к его щеке. Коснувшись лица матери, тот перестал плакать.

И тут Роби осознал нечто такое, от чего внутренности у него скрутило в тугую ком.

Контролер больше не верещал. В наушнике воцарилось полнейшее безмолвие.

Надо было заметить это раньше.

Уилл ринулся вперед.

Женщина, решив, что он решил напасть, снова завизжала.

Оконное стекло разлетелось.

На глазах у Роби винтовочная пуля прошила голову мальчика и вошла в голову матери, убив обоих. Завидный выстрел снайпера, обладающего завидным мастерством. Но Уилл об этом не думал.

Взгляд женщины был устремлен на него, когда ее жизнь оборвалась. Вид у нее был изумленный. Мать и сын вместе повалились на бок. Она еще держала его. Казалось, посмертно ее руки еще крепче обняли бездыханное дитя.

Роби просто стоял, опустив пистолет и глядя за окно.

Где-то там предохранитель снят и линия обзора наверняка великолепная.

А затем инстинкты взяли верх, и Уилл, пригнувшись, откатился прочь от окна. И на полу наткнулся взглядом еще на одну вещь, увидеть которую сегодня совершенно не ожидал.

На полу рядом с кроватью стояла переноска. И в ней спал второй ребенок.

– Блин! – буркнул Роби.

И пополз вперед по-пластунски.

Его наушник ожил.

– Убирайся из квартиры, – приказал контролер. – По пожарной лестнице.

– Иди к черту! – огрызнулся Уилл. Сорвав микрокамеру и гарнитуру, отключил их и сунул в карман.

Ухватив переноску, подтянул ее к себе. Ждал второго выстрела, но вовсе не собирался предоставлять снайперу надежную мишень. А так человек на другом конце зоны поражения стрелять не станет, Роби знал это. Порой он сам был в роли того, кто залег с винтовкой во тьме.

Убравшись подальше от окна, он встал, держа переноску с ребенком за собой. Всё равно что волоочь большую гирию. Надо убираться из здания, но идти запланированным путем явно нельзя. Роби окинул квартиру взглядом. Перед уходом надо кое-что захватить.

Вынеся ребенка из спальни, он осмотрел гостиную, включив миниатюрный фонарик. Углядел сумочку женщины. Поставив переноску, перерыл содержимое сумочки, выудил водительские права и сфотографировал их телефоном. Потом

щелкнул ее удостоверение личности. Удостоверение личности государственного служащего.

«Что за?.. Этого факта на флешке не было».

Наконец углядел прямоугольный синий предмет, отчасти скрытый под стопкой бумаг, и схватил его.

Американский паспорт.

Сделал фото всех страниц, показывающих места, куда она ездила. Положил права, удостоверение и паспорт обратно и подхватил переноску.

Открыв входную дверь квартиры, поглядел направо и налево.

Вышел и уже через четыре шага был на лестнице. Сбежал на один пролет вниз, мысленно прокручивая план здания. Уилл запомнил каждую квартиру, каждого жильца, каждую возможность. Но отнюдь не с той целью, что теперь, – сбежать от своих же.

Квартира 307. Мать троих детей, припомнил Роби. И направился к ней по коридору стремительными шагами, мягко ступая по дрянному ковру.

Как ни странно, малыш не проснулся. Взяв ребенка, Уилл ни разу даже толком не поглядел на него и теперь бросил взгляд вниз.

Курчавые волосы, как у убитого мальчишки. Роби понимал, что ребенок даже не вспомнит брата. Как и мать. Жизнь порой не просто несправедлива, она по ту сторону добра и зла.

Поставив переноску перед 307-й квартирой, Роби трижды постучал, не озираясь по сторонам. Если кто-нибудь из другой квартиры смотрит, то увидит только его спину. Постучал еще раз и снова поглядел на ребенка, начавшего ворочаться. Услышал, что кто-то идет к двери, и скрылся.

Ребенок переживает эту ночь.

А вот насчет себя Роби был почти уверен, что нет.

Глава 13

Роби спустился еще на один пролет, на второй этаж. Теперь у него два варианта.

О задней стороне здания не может быть и речи. Там снайпер с винтовкой дальнего боя. Тот факт, что контролер настаивал на его отходе по пожарной лестнице, поведал Роби всё, что надо знать. Наградой за то, что он был достаточно глуп, чтобы пойти этим путем, будет пуля в голову.

О фасаде речи нет по той же причине. Единственный хорошо освещенный вход – с равным успехом он мог бы нарисовать себе мишень на лбу для резервной команды, которая подоспеет через минуту, чтобы зачистить этот бардак. Остаются лишь две боковых стены здания. У него два варианта, но Роби должен сократить их до одного. И побыстрее.

201-я или 216-я, думал он на ходу. Первая с левой стороны здания, вторая с правой. Стрелок позади здания может переместиться влево или вправо, прикрыв таким образом заднюю и одну из боковых стен одновременно.

Так влево или вправо?

Роби двигался, продолжая размышлять.

Контролер помогает снайперу, сообщая куда, по его мнению, направится Роби. Влево или вправо? Уилл силился припомнить окрестности. Эта многоэтажка. Переулок позади. Квартал небольших предприятий, заправка, одноэтаж-

ный торговый комплекс. С другой стороны от этой – другая многоэтажка, показавшаяся Роби бесхозной, когда он проводил рекогносцировку. Должно быть, стрелок там. Это единственная достойная линия огня. А если здание покинуто, у стрелка есть свобода перемещения, смены позиции, чтобы поймать Роби в прицел.

«Так куда же? Влево или вправо?»

Его исходная цель – 404-я – ближе к левой стороне здания.

Контролер может подумать, что Роби направится туда, потому что это уже ближайшая сторона. Контролеру неизвестно, что он спустился на третий этаж, чтобы подбросить второго ребенка, после чего двинулся еще на лестничный пролет вниз. Но контролер сообразит, что Роби придется спуститься. Он не захватил с собой ничего подходящего, чтобы спуститься по стене здания дюльфером.

Роби уцепился за эту мысль. Увидел мысленным взором, как стрелок переносит позицию вправо – для Уилла влево, – устанавливает сошки, поправляет прицел и ждет его появления.

Но Роби всё не появляется, когда на счету каждая секунда. Снайпер это учтет, понимая, что Роби пытается переиграть его. Дернется там, когда его ждут тут. Значит, вправо, а не влево. Это объясняет, почему прошла такая уйма времени. А вовсе не подбрасывание второго ребенка.

Роби увидел, как на его мысленной шахматной доске

снайпер совершает рокировку влево, от Роби вправо.

Времени на раздумья больше нет.

Он бегом ринулся по коридору к левой стороне здания.

201-я пустует. Очередное изъятие без права выкупа. Небольшие персональные чудеса порой произрастают из больших экономических катастроф. Через десять секунд он уже был в квартире. Планировка всех апартаментов одинаковая. Для ориентации ему не требовался ни свет, ни ПНВ. Добравшись до задней спальни, Уилл открыл окно и выбрался.

Ухватился за подоконник, поглядел вниз, оценивая высоту падения, и разжал руки.

Через десять футов упал и покатился, смягчая падение. И всё равно правую лодыжку прошило болью. Он ждал выстрела и попадания.

Его не последовало. Уилл рассчитал правильно. Побежав под углом прочь от здания, несколько секунд прятался за мусорным контейнером, пока чувства приспосабливались к новому окружению. Потом вскочил, перемахнул через забор и через пять секунд уже во весь опор неся по улице.

Наверное, они не видели, как Роби покинул здание, а то он уже был бы покойником. Но наверняка уже знают, что он улизнул. Опергруппа будет его разыскивать. Квадрат за квадратом. Процедура Роби известна. Вот только теперь ему надо оставить ее ни с чем.

Сколько Уилл помнил себя на этой работе, случившееся

нынче ночью маячило на горизонте всегда. Не в качестве отчетливой возможности, но сбрасывать ее со счетов не стоило. И, как и на каждом задании, он заготовил план действия в чрезвычайных обстоятельствах. И теперь настало время этот план исполнить. Совет Шейна Коннорса наконец-то претворился в жизнь.

«Ты там один-единственный, кто на самом деле прикрывает тебе спину, Уилл».

Он отшагал еще десять кварталов. Пункт его назначения был впереди. Сверился с часами. Если график не изменился, в запасе у него двадцать минут.

Старый терминал «Трейлвейз» близ Капитолийского холма теперь перешел к годовалой автобусной компании «Аут-та Хиа», то бишь «Прочь отсюда». Очевидно, стартовый капитал компании невелик, и станция по-прежнему кажется недействующей. Автобусы компании, припаркованные там, выглядят так, словно им не выдержать даже беглой инспекции. Эта поездка определенно будет экономклассом по полной программе.

Воспользовавшись вымышленной фамилией, Роби взял билет на автобус, через двадцать минут отбывающий в Нью-Йорк. Расплатился наличными. Добравшись до Нью-Йорка, он выполнит второй этап экстренного плана, предусматривающий отъезд за границу с целью убраться от коллег как можно дальше.

Уилл ждал перед терминалом. Местечко не такое уж без-

опасное, особенно в два часа ночи. Но куда безопаснее, чем ситуация, из которой Роби только что выпутался. С уличными бандитами он уж как-нибудь разберется. Профессиональные убийцы с дальнобойными винтовками куда грознее.

Уилл оглядел остальных людей, дожидających прибытия автобуса, который унесет их в Большое Яблоко, общим счетом тридцать пять пассажиров, считая и его самого. Автобус вмещает примерно вдвое больше, так что буферное пространство у него будет. Посадка свободная, так что он постарается пристроиться подальше от всех. У большинства с собой сумки, подушки и рюкзаки. При Роби не было ничего, кроме прибора ночного видения, микрокамеры и пистолета «Глок» во внутреннем кармане толстовки, застегнутом на молнию.

Он снова обежал очередь взглядом. Пришел к выводу, что большинство ожидающих – бедные люди, рабочий класс или обделенные судьбой каким-либо иным образом. Догадаться нетрудно: одежда старая, потрепанная, куртки заношены до дыр, выражение на лицах усталое, угнетенное. Большинство людей, даже ограниченные в средствах, вряд ли надумали бы ехать в Нью-Йорк посреди ночи на обшарпанном автобусе, прихватив собственные подушки.

Автобус подрулил к остановке по широкой дуге и остановился рядом с ними под скрежет ржавых тормозов. Все выстроились в очередь. Тогда-то Роби и заметил ее. Он уже определил ее как одну из тридцати пяти, но теперь его взгляд

задержался на ней.

Совсем юная. Лет двенадцать, может, чуть больше. Невысокая, кожа да кости, одета в потертые джинсы с дырами на коленках, рубашка с длинными рукавами, синяя лыжная аляска без рукавов. На ногах грязные, изношенные теннисные туфли, а темные тонкие волосы стянуты сзади в тугий конский хвост. Держа в одной руке рюкзак, девочка неотрывно уставила взгляд в землю. Казалось, она тяжело дышит, и Роби заметил на обеих ее руках и коленях следы грязи.

Как он ни смотрел, но не разглядел небольшого прямоугольного рельефа на карманах ее джинсов – ни спереди, ни сзади. Мобильник есть у каждого подростка, особенно у девочек. Впрочем, может, в отличие от большинства сверстников, она держит его в кармане куртки. Во всяком случае, не его это дело.

Роби огляделся, но не увидел никого, кто подошел бы на роль ее родителей.

Он понемногу продвигался вперед вместе с очередью. Не так уж невероятно, что его здесь найдут до отбытия автобуса. Сжав пистолет в кармане, Уилл потупил взгляд долу.

В автобусе он прошаркал в заднюю часть. Роби поднялся последним, и большинство людей уже расселись, заняв места ближе к передней части салона. Он же сел в последний ряд, около туалета. Больше никого в этом ряду не было. Уилл сел у окна. Здесь он будет невидимкой, зато сам будет видеть каждого вошедшего через зазор между двумя передними си-

днями. Стекла тонированные, и попытка стрелять снаружи обречена на провал.

Девочка-подросток села на три ряда впереди него по ту сторону прохода.

Водитель уже хотел было закрыть дверь, когда в нее поспешно заскочил мужчина, и Роби устремил взгляд вперед. Новый пассажир показал билет и двинулся в глубь салона. Приближаясь к девочке, он смотрел в другую сторону. Этот пассажир номер тридцать шесть сел самым последним.

Сползши по сиденью вниз, Роби натянул капюшон, прикрывая лицо. Сжав пистолет в кармане, повернул ствол вперед и вверх, чтобы тот был нацелен на то место, которое незнакомцу придется пересечь, если он продолжит свой путь к нему. Уиллу пришлось предположить, что его экстренный план каким-то образом стал известен и этого человека прислали закончить работу.

Но субъект остановился на ряд позади девочки, сев прямо у нее за спиной. Рука Роби на пистолете чуть расслабилась, но он продолжал следить за пришельцем сквозь щелку.

Встав, девочка убрала свой рюкзачок на багажную полку. Когда она поднялась на цыпочки, чтобы дотянуться, рубашка чуть задралась, и Роби заметил у нее на талии татуировку.

Автобус тронулся под натужный скрежет коробки передач, и водитель направил его на улицу, ведущую к федеральной автостраде, а там и в Нью-Йорк. Машин в этот час раздва и обчелся. Окна в домах темные. Город проснется лишь

через несколько часов. В этом отношении округ Колумбия на Нью-Йорк совсем не похож. По ночам он *спит*. Но встает ни свет ни заря.

Взгляд Уилла снова устремился на чужака. Ровесник Роби, примерно той же комплекции. Без багажа. Одет в черные слаксы и серую куртку. Взгляд Уилла пропутешествовал к рукам незнакомца. В перчатках. Бросив взгляд на собственные руки в перчатках, он выглянул за окно. Не так уж и холодно. Увидел, как тот потянул за рычаг, чтобы чуть откинуть спинку сиденья. И устроился поудобнее.

Но инстинкты подсказывали Роби, что это ненадолго.

Этот человек сел в автобус не просто ради поездки в Нью-Йорк.

Глава 14

Профессиональные убийцы – племя уникальное.

Роби обдумывал это, пока автобус набирал ход. Подвеска – дерьмо, а значит, и поездка будет тоже. Им придется сносить эту пытку две сотни миль, но Уилла сейчас занимало отнюдь не это. Он устремил взгляд сквозь щель, наблюдая и выжидая.

Когда ты на задании, то подмечаешь такое, на что другие люди даже внимания не обращают. Например, точки входа и выхода. Всегда нужно иметь хотя бы по паре и тех, и других. Углы прицеливания, позиции, с которых другие могут нанести ответный удар. Оценка противников исподволь. Попытка разгадать их намерения по одним лишь телодвижениям, пусть даже едва заметным. И ни в коем случае не дать никому заметить, что ты его заметил.

Именно всем этим сразу Роби сейчас и занимался. И это совершенно не связано с его напастью. Его преследуют, тут уж и к гадалке не ходи. Но так же очевидно, что кто-то увязался и за девчонкой. И теперь Роби понял, что сегодня он не единственный профессиональный убийца в этом автобусе.

И второй у него прямо перед глазами.

Он выудил «Глок» из кармана.

Девочка читала. Роби не видел, что именно, – какая-то книжонка в бумажной обложке. Она ушла в чтение с голо-

вой, позабыв обо всем на свете. Скверно. Молодежь – легкая добыча для хищников. Юнцы, приклеившиеся к экранам своих телефонов, давящие большими пальцами на клавиши, рассылающие сообщения громадной важности, вроде статуса в «Фейсбуке», цвета своего белья, проблем с девушками, проблем с волосами, спортивных результатов, места следующей тусы. А еще у них уши всегда заткнуты наушниками. С ревущей музыкой, за которой не расслышишь ничего, пока лев не прыгнет. А там уж поздно.

Легкая добыча. И даже не догадываются.

Роби нацелил ствол в щель между сиденьями.

Второй подался на своем сиденье вперед.

Поездка продолжалась всего несколько минут. За окнами замелькали здания еще более заброшенной части города.

Сиденье у окна рядом с девочкой не занято. Через проход от нее тоже никого. Ближе всех старушка, уже успевшая задремать. Большинство пассажиров устраивались спать, хотя отъехали едва ли на полмили.

Роби знал, как тот сработает. Голова и шея. Рывок вправо, рывок влево – тот самый метод, которому учат морпехов США. Объект – совсем дитя, оружие не понадобится. И никакого кровопролития. Большинство людей умирают молча. Никаких мелодраматичных предсмертных выкрутасов. Человек просто перестает дышать, булькает, дергается и затихает. Рядом никто и не догадается. Впрочем, большинство и так не догадываются.

Тот напружинился.

Девочка чуть передвинула книгу, чтобы жиденький свет потолочных светильников упал на страницу полнее.

Роби подвинулся вперед. Проверил оружие. Глушитель навернут до упора. Но в тесноте автобуса таких вещей, как беззвучный выстрел, не бывает. Насчет объяснений можно поломать голову и после. Он видел сегодня ночью, как два человека лишились жизни, и один из них – маленький мальчик. И доводить этот счет до трех он не собирался.

Тот перенес вес на пальцы ног. Поднял ладони, повернув их определенным образом.

Дерг-дерг, подумал Роби. Голова влево, шея вправо. Щелк.

Дерг-дерг.

Мертвая девочка.

Но не сегодня.

Глава 15

Самый мизер мог поведать Уиллу очень многое. Но случившегося дальше он даже предполагать не мог.

Чужак взревел.

Роби тоже взревел бы, потому что перечный аэрозоль, попав в глаза, чертовски жжет.

Девочка по-прежнему сжимала свою книжонку, пальцем придерживая страницу. Даже не обернулась на сиденье. Просто пшикнула аэрозолем назад над головой, угодив нападающему прямо в лицо.

Однако тот продолжал движение вперед, хоть и вопя и растирая глаза одной рукой. Вторая же нащупала шею девочки примерно в ту же секунду, когда пистолет Роби врезался ему в череп, заставив рухнуть на пол автобуса.

Девочка оглянулась на Роби, да и большинство других пассажиров, теперь проснувшихся, воззрились на него. Потом их взгляды переместились к упавшему. Одна пожилая дама в стеганом желтом халате завизжала. Водитель остановил автобус, поставил на стояночный тормоз, повернулся поглядеть на стоявшего позади Уилла и крикнул: «Эй!»

Тон и взгляд поведали Роби, что водитель считает источником проблемы его. Водитель – здоровенный чернокожий лет пятидесяти – встал и двинулся по проходу. Но, увидев пистолет Роби, застыл, выставив ладони перед собой.

Та же пожилая женщина завопила, вцепившись в свой халат.

– Какого черта вам надо?! – спросил водитель у Роби.

Тот устремил взгляд на лежащего без сознания.

– Он напал на девочку. Я его остановил.

И поглядел на девочку в поисках поддержки. Та промолчала.

– Не хочешь им поведать? – призвал Роби.

Она продолжала молчать.

– Он пытался убить тебя. Ты шибанула его перечным аэрозолем.

Уилл протянул руку и, прежде чем она успела ему помешать, выхватил баллончик из ее руки и выставил на всеобщее обозрение.

– Перечный аэрозоль, – объявил он утвердительным тоном.

Теперь внимание остальных пассажиров обратилось на девочку. Она глядела на них, ничуть не смущенная пристальными взглядами.

– Что происходит? – недоумевал водитель.

– Этот тип напал на девочку, – пояснил Роби. – Она пшикнула в него перцем, а я его пристукнул, когда он не отстал.

– А почему у вас пистолет? – осведомился водитель.

– У меня есть на него разрешение.

Вдали послышались сирены.

Может, из-за двух трупов в том здании?

Человек на полу застонал и пошевелился.

– Не вставай, – приказал Роби, поставив ногу ему на спину, и поглядел на водителя. – Лучше вызовите полицию, – и повернулся к девочке: – У тебя с этим проблемы?

В ответ она встала, схватила свой рюкзак с верхней полки, продела руки в лямки и пошла по проходу к водителю.

Тот снова выставил ладони.

– Вы не можете уйти, мисс.

Вытащив что-то из куртки, она выставила это перед собой. Со своего места позади девочки Роби не видел, что именно. Водитель тотчас же попятился с выражением ужаса на лице. Пожилая дама снова заверещала.

Опустившись на колени, Уилл с помощью брючного ремня упавшего ловко связал ему руки за спиной, совершенно обездвижив. А потом двинулся по проходу за девочкой. Проходя мимо водителя, сказал:

– Звоните копам.

– Кто вы? – окликнул водитель следом.

Роби не ответил, потому что сказать правду никак не мог.

Дернув за рычаг, девочка открыла дверь автобуса и вышла.

Уилл нагнал ее, когда она уже пересекала улицу.

– Что ты ему показала? – поинтересовался он.

Обернувшись, она подняла гранату.

Роби даже бровью не повел.

– Это же пластмасса.

– Ну, он-то этого не сообразил.

Это были ее первые слова. Голос ее оказался ниже, чем предполагал Роби. Более взрослым. Они направились прочь от автобуса.

– Кто ты? – спросил Уилл.

Девочка продолжала шагать. Сирены приблизились, а затем пошли на убыль, удаляясь.

– Почему этот тип хотел тебя убить?

Она прибавила шагу, опережая Роби.

Они уже перешли через улицу. Девочка скользнула между двумя припаркованными автомобилями. Роби последовал ее примеру. Она заспешила вдоль улицы.

Прибавив ходу, он схватил ее за руку:

– Эй, я к тебе обращаюсь!

Ответа Уилл не дождался.

Взрыв сбил с ног их обоих.

Глава 16

Роби очнулся первым. Он не представлял, сколько пробыл в беспамятстве, но вряд ли так уж долго. Ни фараонов, ни экстренных служб. Только он и автобус, прекративший свое существование. Роби поглядел на горящий металлический остов, раньше представлявший собой большущее транспортное средство, и подумал, что выживших здесь быть не может, как в самолете, врезавшемся в землю носом.

Этот район округа Колумбия в столь поздний час пребывает в запустении, а жилых домов поблизости нет. Единственные, кто выбрался поглядеть, что стряслось, были явно бездомными.

Роби увидел, как старик в изодранных джинсах и рубаше, почерневшей от жизни на улице, выполз на тротуар из своего дома, сложенного из картона и пластиковых мусорных пакетов, служащих занавесом в дверном проеме. Поглядев на костер, который раньше был автобусом с пассажирами внутри, бомж процедил сквозь гнилые зубы:

– Дьявол, у кого-нить есть чё-нить хорошее, шоб поджарить?

Роби медленно поднялся. Ушибы ныли, но завтра будет уйма синяков, и занает еще сильнее. Он огляделся в поисках девочки и увидел ее в десятке футов от того места, куда отбросило его.

Она лежала рядом с припаркованным «Сатурном» с окнами, выбитыми взрывной волной. Подбежав, Роби осторожно перевернул ее на спину. Принялся нащупывать пульс, нащупал и вздохнул с облегчением. Осмотрел ее. Никаких кровотечений, несколько ссадин на лице от столкновения с шершавым асфальтом. Жить будет.

Через несколько секунд глаза ее открылись.

Роби поглядел на гранату, которую она всё еще сжимала в ладони.

– Ты что, оставила в автобусе настоящую?

Девочка медленно села, устремив взгляд на уничтоженный автобус.

Роби ожидал, что это зрелище спровоцирует какую-нибудь реакцию, но она промолчала.

– Кто-то очень хочет твоей смерти, – заметил он. – Не догадываешься почему?

Девочка поднялась на ноги, углядела свой рюкзачок в нескольких футах, взяла его, отряхнула пыль и закинула лямку на плечо. Потом поглядела снизу вверх на Роби, возвышавшегося над ней, и спросила:

– Где ваша пушка?

Это застало Уилла врасплох. Он не знал, куда девалось его оружие. Огляделся по сторонам, потом присел на корточки и заглянул под несколько машин, припаркованных на улице. Ливневые стоки. Пистолет мог упасть туда, когда его сшибло с ног.

– На вашем месте я бы ее нашла.

Роби поглядел на нее. Девчонка наблюдала за ним с расстояния нескольких футов.

– Почему?

– Потому что она, наверное, вам понадобится.

– Почему? – спросил он снова.

– Потому что вас видели со мной.

Он встал. Сирен стало больше. Кто-то наконец-то позволил, потому что звук нарастал. Экстренные службы уже едут. Бездомный теперь плясал вокруг костра, вопя, что еще хочет «чертовых зефирок».

– И почему это так важно? – полюбопытствовал Роби.

Она поглядела на уничтоженный автобус.

– Что? Вы чё, дурак?

Прекратив поиски оружия, он подошел к ней.

– Тебе надо пойти в полицию. Она может тебя защитить.

– Ага, как же.

– Сомневаешься?

– На вашем месте я бы сматывалась отсюда.

– В этом автобусе не осталось ни одного выжившего, чтобы рассказать копам, что случилось, – возразил Роби.

– А что случилось, по-вашему?

– Свыше тридцати человек только что лишились жизни в этом автобусе, включая и типа, пытавшегося тебя прикончить.

– Это ваши предположения. А доказательства где?

– Доказательства в этом автобусе. Частично. Остальные, по-видимому, у тебя в голове.

– Опять же, *ваши* предположения.

Повернувшись, девочка зашагала прочь.

Роби несколько секунд смотрел ей вслед.

– Тебе не справиться в одиночку, знаешь ли, – заметил он. – Ты уже спеклась или тебя сдали.

Она обернулась.

– В каком это смысле? – Впервые в ее голосе прозвучала заинтересованность.

– Тебя уже выследили до автобуса или поджидали тебя. Если верно последнее, то тебя подставили. У них продвинутые разведданные. Знали автобус, время... всё. Так что ты или сама спалилась и позволила им последовать за тобой, или кто-то, кому ты доверяешь, тебя сдал. Или одно, или другое.

Девочка через плечо оглянулась на горящую массу металла и тел.

– Как ты заметила мужика в автобусе? – спросил Роби. – Мне казалось, у него был чистый заход на убийство.

– Отражение в окне. Тонированное стекло, внутри верхний свет, снаружи темно – получается зеркало. Простая наука.

– Ты же читала книгу.

– Я *притворялась*, что читаю. Я видела, как мужик сел позади меня. А перед тем прошел три свободных ряда. Это за-

ставляет насторожиться, правда? Плюс я видела, как он сиделся. Из всех сил старался не дать мне увидеть его.

– Значит, ты могла узнать его?

– Возможно.

– Я тоже был позади тебя.

– Слишком далеко позади, чтобы вам оттого был хоть какой-то прок.

– Так ты и меня заметила?

– Просто привыкаешь всё подмечать, – она пожала плечами.

– Значит, он следил за тобой до автобуса. Он тебя преследовал? Я вижу грязь у тебя на ладонях и коленках. Похоже, прежде чем сесть в автобус, ты проехала по земле.

Девочка поглядела на свои коленки, но не ответила.

– Но в одиночку тебе все равно не справиться, – повторил Роби.

– Ага, вы уже говорили. И что же вы предлагаете?

– Если не пойдешь в полицию, тогда пошли со мной.

Она на шаг попятилась.

– С вами? Куда?

– Куда-нибудь, где безопаснее, чем здесь.

– А почему бы *вам* не остаться поговорить с копами? – Девочка смерила его ледяным взглядом.

Глядя на нее, Роби слышал, что сирены воют уже неуютно близко.

– Это как-то связано с тем, что вы с пушкой сели в автобус

в такой час? – Она пригляделась к нему повнимательнее. – Вы как-то не вписываетесь, знаете?

– В смысле?

– Вы не похожи на человека, который поедет на паршивом автобусе среди ночи, чтобы попасть в Нью-Йорк. Как и тип, что сидел за мной. Это была его вторая ошибка. Надо иметь прикид под стать.

– Если хочешь выпутываться в одиночку, ступай. Не сомневаюсь, еще пару часов водить их за нос тебе по плечу. Но потом для тебя всё будет кончено.

Она еще раз оглянулась через плечо на горящую массу и проронила:

– Я не хотела, чтобы еще кто-нибудь погиб.

– *Еще* кто-нибудь? А кто еще погиб?

Роби чувствовал, что ей хочется разреветься, но она лишь спросила:

– Кто вы такой?

– Человек, наткнувшийся на что-то и не желающий бросать всё как есть.

– Я не верю ни вам, ни кому-нибудь еще.

– Я тебя не виню. Я бы тоже не верил.

– Куда вы хотите отправиться?

– Куда-нибудь в безопасное место, как и сказал.

– Сомневаюсь, что такие места есть, – проронила она голосом, впервые прозвучавшим совершенно по-детски. Со страхом.

– Я тоже, – отозвался Роби.

Глава 17

Уилл не просто располагал планом бегства на случай, если во время одной из миссий что-нибудь пойдет не так. У него была и конспиративная квартира. И теперь, с подопечной на буксире, он остановил выбор на плане С.

К сожалению, план С уже заметно осложнился.

Роби окинул взглядом конец переулка. Надел ПНВ. Это был лишь проблеск, но Уилл уцепился за него, потому что знал, насколько тот важен – блик света на ружейном прицеле.

Сняв ПНВ, он скользнул обратно в тень и посмотрел на девочку.

– Как тебя звать?

– Зачем?

– Просто чтобы как-то звать. Не обязательно настоящее имя, – добавил он.

Она поколебалась.

– Джули.

– Ладно, Джули. Можешь звать меня Уиллом.

– Это ваше настоящее имя?

– А Джули – *твое* настоящее имя?

Девочка примолкла, глядя мимо него во тьму. Они удалились кварталов на десять – на самом деле настолько далеко, что звук сирен стих. Она не обязана идти с ним. Они молча согласились покинуть место взрыва, просто повернувшись и

вместе зашагав прочь.

Роби мог представить деятельность вокруг автобуса. Экстренные службы пытаются определить, что вызвало взрыв. Дефект топливного бака? Или террористический акт? Но затем Уилл сосредоточился на том ближе.

– Там кто-то есть, – вполголоса сообщил он Джули.

– Где? – не поняла она.

Роби указал через плечо, окидывая ее взглядом.

– А на тебе, случаем, нет устройств слежения? Потому что я хорошо заметаю следы, а тут нас настигли довольно быстро.

– Может, они лучше вас.

– Будем надеяться, что нет. Так что насчет маячка? Может, твой мобильник? Я не заметил его у тебя в карманах. Но у тебя он есть? И GPS включен?

– У меня нет мобильного, – ответила Джули.

– Разве не у всех детей есть мобильники?

– Наверное, нет, – сухо отрезала она. – И я не ребенок.

– Сколько тебе лет?

– Сколько лет *вам*?

– Сорок.

– Вы очень старый.

– Поверь мне, я это чувствую. Так сколько?

Она снова замялась.

– Можно соврать? Как с именем?

– Разумеется. Но если скажешь, что больше двадцати, я

тебе вряд ли поверю.

– Четырнадцать.

– Лады.

Роби посмотрел в ту сторону, откуда они пришли. Он нутром чуял, что возвращаться тем же путем не следует.

– Что вы такое видели, раз решили, что там кто-то есть? – поинтересовалась она.

– Отражение, в точности как твое в окне автобуса.

– Это мог быть кто угодно.

– Отражение света от оптического прицела. Его ни с чем не спутаешь.

– А-а...

Роби разглядывал стены по обе стороны от них. А потом задрал голову.

– Ты боишься высоты?

– Нет, – быстро ответила она – пожалуй, слишком быстро.

Поспешив к строительному контейнеру для мусора, стоящему в переулке, Роби принялся там копать. Наконец выудил несколько отрезков веревки и быстро связал их вместе. Нашелся в контейнере и кусок фанеры. Уилл пристроил его поверх контейнера так, чтобы получилась платформа, на которую можно встать.

– Пристегни рюкзак к спине как можно плотнее.

– Зачем?

– Надо.

Подтянув лямки до отказа, девочка выжидательно погля-

дела на Роби.

– Что будем делать?

– Полезем наверх.

Подняв Джули, Уилл поставил ее на фанеру и вскарабкался следом сам.

– Что теперь?

– Я же сказал, полезем.

Она уставилась на кирпичную стену здания.

– А это вообще возможно?

– Вот и выясним, – он поманил ее. – Давай. Встань мне на плечи. Мы целим вон туда, – указал на лестницу пожарного выхода, убрannую в верхнее положение намного выше уровня улицы.

– По-моему, я не дотянусь.

– Можем хоть попытаться. Напряги ноги и держи их прямо.

Подняв ее на плечи, он ухватил Джули за лодыжки и сделал армейский жим, подняв ее еще выше. Но, даже вытянув руки изо всех сил, она не дотягивалась на добрый фут. Роби опустил ее.

Затем, взяв веревку, добытую из контейнера, перекинул ее через верхнюю перекладину лестницы. Завязал на одном конце петлю, пропустил второй через нее, ухватился за веревку и ловко вскарабкался на лестницу, после чего освободил веревку и спустил один конец обратно Джули.

– Я не ахти как лазаю по веревкам. Я сачковала физру, –

с сомнением протянула она.

– И не придется. Завяжи веревку вокруг лямок рюкзака. И затяни узел потуже.

Она сделала, как велено.

– А теперь скрести руки и крепко прижми к телу, – добавил Роби. – Это не даст рюкзаку соскользнуть.

Джули послушалась, и Уилл потащил ее наверх.

И когда она была уже почти у него в руках, Роби понял, что они в беде. Топот бегущих ног никогда не предвещает добра.

– Лезь, живо, – приказал он с явным напором. – Как можно выше.

Джули принялась карабкаться по пожарной лестнице, а Уилл обернулся назад, сосредоточившись на том, что надвигалось.

Глава 18

Человек свернул в переулок, остановился, убедился, что никого не видно, и двинулся вперед. Через десяток ярдов снова остановился, посмотрел налево, направо, а затем вперед. И продолжил движение, точными, отмеренными движениями поводя винтовкой вправо-влево. Повторил то же самое еще дважды. Он был хорош, но не очень, потому что вверх не посмотрел еще ни разу.

И когда наконец сделал это, то как раз вовремя, чтобы увидеть летящие на него подошвы Роби.

Ботинки двенадцатого размера врезались ему в лицо, стремительно обрушив прилегающее к лицу тело на асфальт. Уилл приземлился на него сверху, перекатился и вскочил в атакующую позицию. Пинком отшвырнул винтовку и посмотрел вниз. Неизвестно, мертв тот или нет, но определенно без сознания. На его обыск потребовалось несколько секунд.

Ни удостоверения личности.

Ни телефона.

Неудивительно.

Но и никаких официальных документов. Никакого золотого значка.

Зато в кармане обнаружился электронный прибор с мигающим голубым огоньком. Раздавив его подошвой, Роби вы-

бросил обломки в контейнер. Ощупал лодыжки лежащего и нашел револьвер «Смит-и-Вессон» калибра.38 без номеров. Сунув оружие в карман куртки, повернулся и запрыгнул на фанеру. Ухватился за веревку, вскарабкался, пристроился на ступеньке лестницы, снял и убрал веревку и полез наверх.

Джули он нагнал уже на самом верху.

– Он мертв? – спросила она, глядя вниз.

Очевидно, всё видела.

– Я не проверял. Пошли.

– Куда? Мы наверху.

Роби указал вверх, на крышу футах в десяти выше них.

– Как? – спросила Джули. – Лестница туда не доходит.

Кончается на верхнем этаже.

– Жди здесь.

Уилл уцепился одной рукой за подоконник, другой – за щель между кирпичей, и полез вверх. Минуту спустя он уже стоял на крыше. Лег на живот, раскрутил веревку и спустил ее Джули.

– Привяжи к лямкам рюкзака, как раньше, снова сцепи руки и закрой глаза.

– Не уроните меня, – в ее голосе прозвучала паника.

– Я уже поднял тебя раз. Ты ничего не вешишь.

Через минуту она уже стояла рядом с ним на крыше.

Роби повел ее по плоской площадке, засыпанной гравием, и с противоположной стороны поглядел вниз и по сторонам. С этой стороны нашлась вторая пожарная лестница. С по-

мощью веревки он спустил Джули, потом перебрался через парапет, несколько секунд повисел на руках, а потом спрыгнул. Приземлившись на металлическую площадку пожарной лестницы, схватил Джули за руку, и они двинулись вниз.

– А мы не столкнемся с той же проблемой, если там кто-то есть? – полюбопытствовала девочка.

– Столкнемся, если дойдем до самого низу.

Они добрались до третьего этажа здания, и Роби, остановившись, заглянул в окно. А затем с помощью ножа из ножен на лодыжке справился с нехитрым запорным механизмом и поднял раму окна.

– А если здесь кто-то живет? – шепнула Джули.

– Тогда мы вежливо удалимся, – ответил Роби.

Квартира была пуста.

Бесшумно проскользнув через нее, они пробежали по коридору до лестничной клетки, и минуту спустя уже спешили в направлении, противоположном тому, откуда пришли.

Наконец притормозив, Роби сказал:

– Они тебя отслеживали. Должно быть, на тебе где-то жушок.

– Откуда вы знаете?

– Из-за прибора, который нашел у того типа. Я его сломал, но надо ликвидировать источник. Открой рюкзак.

Она послушалась, и Роби быстро обыскал его содержимое. Чистые вещи, косметичка с туалетными принадлежностями, небольшая камера, несколько учебников, «Айпод

Тач», небольшой ноутбук, тетради и ручки. Уилл снял заднюю стенку «Айпода» и осмотрел ноутбук, но не нашел там ничего постороннего. Ручки тоже чистые. Роби методично пересмотрел туалетные принадлежности, но ничего не обнаружил. Закрыв рюкзак, вернул его владелице.

– Ничего.

– Может, это на вас жучок? – предположила она.

– Это невозможно, – возразил Роби.

– Вы уверены?

Он хотел было ответить утвердительно, но прикусил язык. Выудил микрокамеру, которую сунул в карман, вскрыл крышку – и внутри обнаружился второй мигающий голубой огонек за сегодняшнюю ночь.

– Видите, это *вы*. Я была права, – торжествующе провозгласила Джули.

Роби швырнул камеру, гарнитуру и трансивер в мусорный бак.

– Ага, ты права, – признал он.

Поблизости не было видно ни одного такси. Правду говоря, такси и не значилось в списке его желаний на данный момент. Ему не хотелось, чтобы постороннее лицо, которое могут допросить, знало, где его схрон.

Роби вскрыл и искусно включил зажигание древнего пикапа, припаркованного перед автозаправкой. Забрался на водительское сиденье. Джули за ним не последовала.

– Решила выпутываться в одиночку? – Уилл поглядел на

нее через переднее сиденье.

Она промолчала, возясь с лямками рюкзака. Сунув руку в карман, Роби вытащил что-то и протянул ей.

Баллончик с перечным аэрозолем.

– Тогда это может тебе понадобиться.

Баллончик Джули взяла, но тут же забралась в грузовичок, крепко захлопнув дверцу.

Включив передачу, Роби неспешно тронул машину с места. Визг шин посреди ночи может привлечь внимание, а этого ему сейчас хотелось или требовалось меньше всего.

– Почему передумала? – осведомился он.

– Негодяи не возвращают оружие. – Девочка помолчала. –

И вы спасли мне жизнь. Дважды.

– Логично.

– Значит, за мной гонятся. А за вами кто? – осведомилась

Джули.

– В отличие от тебя, я знаю, кто они. Но не должен тебе говорить. И не скажу. Это пагубно для твоего будущего.

– Сомневаюсь, что оно у меня есть, – хоть так, хоть эдак...

Откинувшись на спинку сиденья, она примолкла, устремив взгляд вперед.

– Думаешь о ком-то? – негромко поинтересовался Роби.

Джули сморгнула слезы.

– Нет. И больше не спрашивайте, Уилл.

– Лады.

Роби погнал машину.

Какой бы ошеломительно скверной ни казалась сегодняшняя ночь, у него было явственное ощущение, что дальше пойдет только хуже.

Глава 19

Роби сделал одну остановку – у круглосуточного магазина, чтобы закупить продукты. Полчаса спустя фары грузовичка осветили фасад небольшого фермерского дома. Остановив машину, Роби поглядел на Джули.

Глаза ее были закрыты. Казалось, она спит, но, увидев, как девочка постояла за себя при нападении в автобусе, Роби не стал бы так уж доверять очевидному. Не желая получить порцию перечного аэрозоля, он не стал протягивать руку, чтобы потормозить. Просто негромко произнес:

– Приехали.

Глаза ее мгновенно распахнулись. Она не зевнула, не потянулась и не потерла лицо, как поступили бы большинство людей. Просто проснулась.

На Роби это произвело впечатление. Потому что именно так просыпается и он.

– Что это за место? – спросила Джули, озираясь.

Они проехали по гравийной дороге, устланной облетающей желтой листвой. Поездка окончилась перед белым дощатым домом. Входная дверь, покрашенная черной краской, два окна на фасаде, небольшое крыльцо. Позади дома намного выше конька крыши возвышался сарай.

– Безопасное, – отозвался Роби. – Насколько это возможно при подобных обстоятельствах.

– Это ферма или типа того? – Девочка уставилась на сарай.

– Типа того. Уже давно. Лес отвоевал землю у полей.

Это перестраховка Роби. Работодатель предусмотрел другие явочные квартиры для Роби и людей вроде него. Но это место принадлежит только ему. Владение через подставную компанию. К нему – никаких следов.

– Где мы?

– К юго-западу от округа Колумбия, в Вирджинии. Если подыскивать определение, то у черта на куличках.

– Это ваше?

Тронув грузовичок на подъездной дороге задним ходом, Роби повел его к сараю. Остановился, вылез, открыл двери сарая и завел машину внутрь. Снова выбрался, прихватил пакет с продуктами и сказал: «Пошли».

Джули последовала за ним в дом. Писк сигнализации при входе прекратился, как только Роби ввел код, позаботившись, чтобы Джули не увидела, какие цифры он нажимает.

Закрыв и запер дверь.

Она огляделась, по-прежнему сжимая рюкзак в объятьях.

– И куда мне?

– Запасная спальня, вторая дверь справа, – Роби указал на прямой лестничный марш сбоку от небольшого холла при входе. – Ванная через коридор. Есть хочешь?

– Лучше посплю.

– Ладно, – он выразительно указал глазами на лестницу. –

Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

– И постарайся не окатить себя перечным аэрозолем.

Сильно жжет кожу.

Джули опустила глаза на руку, в которой прятался крохотный баллончик.

– Откуда вы узнали?

– Я видел, как ты целила им в меня всю дорогу. Это я не в упрек. Пойди поспи.

Что она и сделала. Роби смотрел, как она тащится вверх по лестнице. Услышал, как дверь спальни открылась и закрылась. Следом щелкнул замок.

«Умная девочка».

Направившись в кухню, Уилл разложил продукты и сел за круглый столик напротив раковины. Положил дешевку 38-го калибра на стол и вытащил свой сотовый. Без GPS-чипа. Такова политика компании, потому что чип работает в обе стороны. Но с камерой его кинули.

Должно быть, подозревали, что он не станет стрелять в женщину с детьми. Подсунули ему маячок на случай, если он уйдет в отрыв.

Подстава с самого начала. Миленько... Теперь надо выяснить почему.

Нажав несколько кнопок на телефоне, он стал просматривать фотографии, сделанные в квартире убитой.

В правах значилось, что ее звали Джейн Уинд, возраст

тридцать пять лет. Она без улыбки смотрела на Роби с фото. Вскоре она ляжет на металлический стол судмедэксперта округа Колумбия с лицом не просто без улыбки, а жутко обезображенным ружейной пулей. Ее ребенка тоже вскроют. Но у мальчика, принявшего на себя изрядную долю кинетической энергии пули, и лица-то не осталось.

Роби просмотрел фотографии страниц ее паспорта. Увеличил изображение, чтобы разобрать пограничные пропускные пункты. Там значилось несколько европейских стран, включая Германию. Это в порядке вещей. Но потом Роби увидел Ирак, Афганистан и Кувейт. А вот это уже не в порядке вещей.

Затем посмотрел ее государственное удостоверение.

«Управление Генерального инспектора, Министерство обороны США».

Роби вытаращился на экран.

«Я в жопе. Я в глубокой жопе».

Воспользовавшись телефоном для доступа в Интернет, он пролистал новостные сайты, отыскивая любую информацию о смерти Уинд или взрыве автобуса. Об Уинд ни слова. Возможно, ее еще не нашли. Но взрыв автобуса уже привлек внимание. Впрочем, подробностей маловато. Роби явно известно больше, чем любому из репортеров на месте событий, пытающихся выяснить, что же произошло. Согласно сводкам новостей, пока власти не исключают возможность, что причиной взрыва послужила механическая неисправность.

«И так оно может и остаться», – подумал Роби. Если только не сумеют найти доказательств обратного. Взорвать старый автобус посреди ночи, убив пару дюжин людей, как-то не вписывается в список предсмертных желаний джихадиста.

Связаться с ним контролер больше не пытался. Роби это ничуть не удивило. Что так, что эдак, ответа они от него все равно не ждали. Пока что здесь он в безопасности. А завтра? Кто знает... Бросил взгляд в сторону лестницы. Он в бегах, и не один. В одиночку у него еще были бы шансы. Но теперь?

Теперь у него на руках Джули. Ей лет четырнадцать – быть может. Она не верит ни ему, ни кому-либо еще. И тоже бежит от чего-то.

И рассудок, и тело уже изнемогали от усталости, и больше ничего Роби сейчас поделать не мог. Так что сделал то, что имело смысл, – поднялся наверх, в спальню через коридор от спальни гости, запер за собой дверь, положил револьвер себе на грудь и закрыл глаза.

Сейчас главное – поспать. Неизвестно, когда еще выпадет такой шанс.

Глава 20

Окно открылось, и связанные вместе простыни зазмеились вдоль стены. Затянув один конец вокруг изножья кровати, Джули подергала, чтобы проверить надежность узла. Выскользнула из окна, тихонько спустилась по импровизированной веревке, коснулась земли и пулей метнулась во тьму.

Она точно не знала, где именно находится, но примечала дорогу, делая вид, что спит. Рассудила, что сможет выбраться на главную дорогу, а затем пройти по ней до какого-нибудь магазина или заправки, а оттуда позвонить и вызвать такси. Проверила свою заначку наличными и кредитку. Упакована по полной.

Темнота ее не пугала. В городе днем порой куда страшнее. Но Джули кралась совершенно бесшумно, потому что каким бы искушенным ни казался Уилл, кто-то ведь еще идет по их следу. Мысленно вычертив карту в голове, она решила, что при сложившихся обстоятельствах сгодится.

Джули понимала, что родители мертвы. Ей хотелось лечь на землю, свернуться калачиком и плакать без конца. Она больше никогда не увидит маму. Никогда не услышит смех отца. Затем их убийца покушался на нее. А потом его разнесло в клочья вместе с тем автобусом.

Но свернуться калачиком и заплакать для нее непозволительная роскошь. Надо двигаться. Меньше всего родители

хотели, чтобы погибла и она.

Она выживет. Ради них. И выяснит, зачем кому-то понадобилось их убивать. Пусть даже убийца теперь сам труп. Ей нужно знать правду.

До дороги рукой подать. Она прибавила шагу.

И даже не успела отреагировать.

Это просто случилось.

Голос сказал:

– Знаешь, я собирался приготовить тебе завтрак.

Охнув, она обернулась и уставилась на Роби, сидевшего на пне, глядя на нее. Он встал.

– Я что, сказал что-то не то?

Джули бросила взгляд в сторону дома. Тот остался довольно далеко позади, так что можно было лишь разобрать намек на электрический свет где-то по ту сторону путаницы деревьев и кустов.

– Я передумала. Двинусь дальше.

– Куда?

– Это уж мое дело.

– Уверена?

– На все сто.

– Лады. Деньги нужны?

– Нет.

– Хочешь еще баллончик перечежного аэрозоля?

– А у вас есть?

Вытащив из кармана, Роби швырнул ей баллончик. Джули

поймала его на лету.

– Вообще-то этот помощнее того, что у тебя, – заметил Уилл. – В него добавлен паралитический газ. Уложит нападающего минут на тридцать минимум.

– Спасибо. – Она сунула баллончик в рюкзак.

– Вот так можно срезать к дороге через лес, – он указал налево. – Главное, не сходи с тропы. На дороге сверни налево. До заправки полмили. У них есть таксофон – быть может, последний в Америке. – И повернулся к дому.

– И всё? Вы просто дадите мне уйти?

– Я же сказал, – он обернулся, – это не мое дело. Ты сама так решила. И, честно говоря, у меня своих проблем по уши. Удачи.

И снова зашагал прочь.

Джули не тронулась с места.

– А что вы собирались приготовить на завтрак?

Уилл остановился, но не оглянулся.

– Яйца, бекон, каша, тосты и кофе. Но есть и чай. Говорят, кофе тормозит детский рост. Но ты же сказала, что уже не ребенок...

– А омлет?

– Как скажешь. Но моя закрытая глазунья не знает себе равных.

– Я могу уйти и утром.

– Да, можешь.

– Так и сделаю.

– Лады.

– Ничего личного, – добавила она.

– Ничего личного, – отозвался он.

Они зашагали обратно к дому. Джули поотстала от Роби на три шага.

– Я выбралась из дома довольно тихо. Откуда вы узнали?

– Я зарабатываю этим на жизнь.

– Чем?

– Выживаю.

«Я тоже», – подумала Джули.

Глава 21

Три часа спустя Роби оторвал голову от подушки. Принял душ, оделся и направился к лестнице. Услышал доносящееся из гостевой спальни тихое посапывание. Думал было постучать, но решил дать ей поспать.

Бесшумно спустился по лестнице и направился в кухню. Сигнализацию он не выключал. И не выключит, пока не покинет убежище. Кроме сигнализации в доме, датчики периметра раскиданы по всей территории собственности. Один из них и сработал при побеге Джули. Ему было проще простого срезать путь через лес и перехватить ее.

Отчасти он был рад, что она решила вернуться. Отчасти же добавочная ответственность его отнюдь не тешила.

Но большей частью души он все-таки радовался, что девочка вернулась.

«Может, из-за чувства вины, что позволил маленькому ребенку погибнуть прямо у меня на глазах? Я что, заглаживаю ее, спасая Джули от напасти и преследователей?»

Чуть позже Уилл услышал, как дверь открылась и по коридору прошлепали босые ноги. Позже зашумел смывной бак и в раковину побежала вода. Лилась какое-то время. Наверное, Джули «принимала ванну» в раковине, чтобы привести себя в порядок.

Когда она спустилась минут через двадцать, стряпня шла

полным ходом.

– Кофе или чай? – осведомился Роби.

– Кофе, черный, – ответила девочка.

– Вон там, угощайся. Чашки в шкафчике у холодильника, верхняя полка.

Проверив, как там каша, он открыл упаковку яиц.

– Глазунью – хорошо или чуть прожаренную, – болтунью или вкрутую?

– Да кто ж еще варит яйца вкрутую?

– Я.

– Болтунью.

Принявшись разбалтывать яйца в миске, Роби бросил взгляд на маленький телевизор на холодильнике и сказал:

– Посмотри-ка.

Джули убрала мокрые волосы за уши и, потягивая кофе, подняла глаза. Она переоделась. За окнами еще не совсем рассвело. Но в ярко освещенной кухне девочка выглядела моложе и еще тщедушнее, чем вчера ночью.

Ну, хотя бы больше не прячет в руке перочный аэрозоль. Обе ладони сжимают кружку с кофе. Лицо она отдраила до чиста, но Роби видел, что глаза у нее красные и припухшие. Она плакала.

– Сигаретки не найдется? – спросила Джули, отводя глаза под его пристальным взглядом.

– Мала еще, – отрезал Роби.

– Мала для чего? Умирать?

– Иронию я уловил, но сигарет не держу.

– А раньше курили?

– Да. А что?

– Да просто вид у вас такой.

– И какой же?

– Типа «сам себе голова».

Звук телевизора был приглушен, но сцена на экране говорила сама за себя. До сих пор дымящийся автобус, выгоревший до металлического остова. Все горючие предметы практически исчезли – сиденья, шины, тела.

И Роби, и Джули уставились на него.

Бак автобуса был залит под горловину, понимал Роби, для поездки до самого Нью-Йорка. Полыхал, как в пекле. Нет, он и *был* пеклом. В этом рейсе найдут тридцать с лишним обугленных трупов. По крайней мере, их фрагменты.

Их крематорий.

У судмедэксперта будет работы не впрокорот.

– Вы не могли бы включить звук? – попросила Джули.

Взяв пульт, Роби чуть прибавил звук.

Угрюмый теледиктор посмотрел в объектив и сказал:

– К моменту взрыва автобус только выехал в Нью-Йорк.

Взрыв произошел около половины второго вчера ночью. Оставшихся в живых нет. ФБР не исключает возможности террористического акта, однако на данный момент непонятно, почему его объектом был выбран именно этот автобус.

– Как по-вашему, что произошло? – поинтересовалась

Джули.

– Давай сперва поедим.

Следующие четверть часа они сосредоточенно жевали, глотали и пили.

– Хорошая яичница, – наконец провозгласила Джули, отодвигая тарелку. Налила себе еще кофе и снова села. Посмотрела в почти пустую тарелку Роби, а потом на него самого. – Теперь мы можем поговорить об этом?

Положив нож и вилку на тарелке крест-накрест, Уилл откинулся на спинку стула.

– Возможно, взрыв устроил тип, преследовавший тебя.

– Что, типа террорист-смертник?

– Возможно.

– А вы разве не заметили бы на нем пояс шахида?

– Наверное. Большинство поясов шахидов бросаются в глаза. Динамитные шашки бок о бок, провода, батареи, выключатели и детонатор. Но я его связал, так что он не смог бы ничего запустить.

– Значит, это не он.

– Не обязательно. Чтобы взорвать автобус, взрывчатки нужно не так уж много. Она могла быть запрятана где-нибудь на нем. Толика «Си-четыре» или «Семтекса», а об остальном позаботится полный бак бензина. Сколько-то взрывоопасных паров в баке плюс постоянный приток топлива для горения. И запустить ее могли дистанционно. Правду сказать, если так и было, дистанционный запуск был просто необхо-

дим, потому что его связали. Примерно половина шахидов на Ближнем Востоке сами на спуск вообще не нажимают. Их просто отправляют с бомбами, а взрыв производят их контролеры с безопасного удаления.

– Значит, похоже, контролерам особо утруждаться не приходится.

Роби подумал о собственном контролере, с безопасного удаления повелевавшего жизнями – в буквальном смысле.

– Спорить не буду.

– Значит, если этот чувак не был источником взрыва...

– Тогда по автобусу садануло что-то еще.

– Типа чего?

– Один из вариантов – зажигательная пуля в бензобак. Воспламеняет пары – и бах! А потом подпитываемый бензином пожар доделывает остальное.

– Вы слышали выстрел? А то я – нет.

– Нет, но он мог быть не настолько близко от места взрыва, чтобы мы расслышали.

– А зачем им понадобилось взрывать автобус?

– Как, по-твоему, этот тип нашел тебя в автобусе?

– Он подоспел впопыхах и последним, – раздумчивым тоном произнесла Джули, глядя на него.

Роби по достоинству оценил тон, к которому и сам частенько прибегал.

– Значит, либо он получил задание в последнюю минуту и ринулся вдогонку. Либо, что вероятнее, тебя потеряли, но

потом снова нашли. – Он помолчал. – Как по-твоему, что именно?

– Без понятия.

– Уверен, у тебя есть понятие. Даже догадка.

– А как же субъект с винтовкой в переулке?

– Этот целил в меня.

– Ага, это-то я знаю. У вас был маячок. Но почему он целил в вас?

– Об этом я рассказывать не могу. Я же говорил.

– Тогда и я отвечу так же, – отрезала Джули. – И что теперь?

– Могу подвезти тебя до заправки. Ты можешь вызвать такси. Сесть на другой автобус до Нью-Йорка. Или на поезд...

– В билетах на поезд указывают имя.

– На твоём будет просто указано «Джули».

– А на вашем – просто «Уилл», – парировала она. – Но этого ведь маловато будет, а?

– Да.

Они сидели, глядя друг на друга.

– Где твои родители? – спросил Роби.

– Кто сказал, что у меня они есть?

– У каждого есть родители. Эта вроде как обязательно.

– Я имела в виду, *живые*.

– Значит, твои умерли?

Она отвела взгляд, теребя ручку кружки.

– Наверное, этот расклад не работает.
– Может, нам пойти в полицию?
– А в вашей ситуации это работает?
– Я имел в виду – для тебя.
– Нет, вообще-то не работает.
– Если ты расскажешь мне, в чем дело, может быть, я смогу тебе помочь.

– Вы мне уже помогли, я благодарна за это. Я толком не представляю, что еще вы можете поделать, правда.

– А зачем ты ехала в Нью-Йорк?
– Потому что он не здесь. А зачем ехали вы?
– Это удобно.
– Ну а для меня неудобно.

– Значит, тебе пришлось. Почему?
– Это знать надо, – отозвалась Джули. – А вы не знаете.
– Что? Что ты малолетний шпион или вроде того?

Роби бросил взгляд на экран, заметив что-то уголком глаза. Из кондоминиума выкатывали двое носилок с телами, накрытыми простынями с головой. Одно большое, другое маленькое.

Другой репортер перед камерой беседовал с представительницей департамента полиции округа Колумбия.

– Жертвы, – говорила пресс-атташе, – мать и ее маленький сын, опознаны, но мы не будем разглашать их имена, пока не уведомим ближайших родственников. У нас есть несколько зацепок, помогающих в следствии. Мы просим всех, кто что-

нибудь видел, связаться с нами по поводу этой информации.

– Как сообщают, расследование возглавляет ФБР? – спросил репортер.

– Покойная была федеральной служащей. Привлечение Бюро – стандартная оперативная процедура в подобных ситуациях.

«Нет, вовсе не стандартная», – подумал Роби. Он не сводил глаз с экрана, жадно впитывая информацию. Казалось, минул целый год с той поры, как Уилл ускользнул из этого здания, теперь окруженного полицией и федеральными ищейками.

– И там был еще ребенок? – осведомился репортер, поднося микрофон к лицу пресс-атташе полиции.

– Да. Он не пострадал.

– Ребенка нашли в той же квартире?

– Больше ничего мы пока сообщить не можем. Спасибо.

Отвернувшись от телевизора, Роби наткнулся на пристальный взгляд Джули. Ее глаза, как кислота, прожигали все защитные барьеры и фасады, которые он мог выставить.

– Это вы?

Он не отозвался ни словом.

– Мать и дитя, а? И что? Помогаете мне, чтобы искупить это?

– Еще есть хочешь?

– Нет. Я лишь хочу уехать.

– Могу подвезти.

– Нет, предпочту пешком.

Она ушла к себе в комнату и через минуту спустилась со своим рюкзачком.

Отключив сигнализацию и открыв для нее переднюю дверь, Роби проронил:

– Я не убивал этих людей.

– Я вам не верю, – просто отозвалась она. – Но спасибо, что не убили меня. Мне и без того дерьма хватает, не расхлебашь.

Роби проводил взглядом девочку, заспешившую по гравийной дороге.

И пошел за своей курткой.

Глава 22

Надев шлем, Уилл снял кожаный чехол со своего дорожного мотоцикла «Хонда», завел его и выехал из сарая. Припарковавшись, закрыл и запер сарай, а затем снова оседлал серебристо-синий байк с двигателем на 600 кубиков.

До дороги добрался как раз вовремя, чтобы увидеть, как Джули забирается на переднее сиденье здорового, как ка-тер, древнего «Меркурия», за рулем которого сидела старушка, макушкой едва достающая до верха рулевой баранки.

Дав газу, Роби пристроился ярдах в пятидесяти позади «Меркурия». И ничуть не удивился, когда длинный автомобиль свернул на заправку, о которой он говорил Джули. Промчавшись мимо, срезал по боковой дороге и повернул обратно. Остановив мотоцикл, заглушил двигатель. Через щель в изгороди у дороги проследил, как Джули высаживается и идет к таксофону. Она нажала три кнопки. Наверное, 411⁴, заключил Роби.

Сунув в щель несколько монет, она набрала другой номер. Таксомоторная компания.

Поговорив, Джули повесила трубку, вошла в здание заправки, взяла ключ от туалета и пошла за угол.

Ей придется ждать такси – значит, и Роби тоже.

⁴ Номер 411 – «Белые страницы», справочная служба в США, позволяющая узнавать номера телефонов, адреса и т. п.

Его телефон зазвонил. Бросив взгляд на экран, он беззвучно охнул.

Определившийся номер на экране принадлежал к числу так называемых «синих» – с самой верхушки его агентства. До сих пор таких звонков Роби не получал. Но номер помнил. Придется ответить. Но это вовсе не значит, что он должен быть так уж расположен к сотрудничеству.

Нажав на кнопку телефона, он сказал:

– Вы не можете отследить этот звонок. Вам это известно.

– Надо встретиться, – ответили на том конце.

Это был не контролер. Роби знал, что так и будет. Синие звонки поступают не от полевых контролеров.

– У меня была встреча вчера ночью. Сомневаюсь, что смогу пережить следующую.

– Последствий для вас не будет.

Уилл не отозвался ни звуком, позволяя молчанию донести абсурдность этого заявления.

– Ваш контролер был неправ.

– Рад слышать. Но я все равно не выполнил задание.

– Разведанные тоже были неправильными.

Роби промолчал, догадываясь, к чему все идет, и сомневался, что хочет в это влезать.

– Разведанные были неправильными, – повторил собеседник. – Произошло досадное недоразумение.

– Досадное? Женщину *обрекли* на смерть. А ведь она была американской гражданкой.

Наступила очередь собеседника промолчать.

– Управление Генерального инспектора, – произнес Роби. – Мне сказали, что она – член террористической ячейки.

– Что вам сказали, роли не играет. Ваша работа – исполнить приказ.

– Даже если он неправильный?

– Если он неправильный, разбираться с этим – не ваше дело. А мое.

– А вы-то кто такой, черт побери?

– Вам известно, что это синий звонок. Выше вашего контролера. Куда выше. Отложим это до встречи.

Роби пронаблюдал, как Джули вышла из туалета и зашла внутрь, чтобы вернуть ключ.

– Почему ее избрали мишенью?

– Послушайте, Роби, решение по вам можно и изменить. Этого вы хотите?

– Сомневаюсь, что мои желания играют хоть какую-то роль.

– На самом деле, играют. Мы не хотим вас терять. Мы считаем вас ценным активом.

– Спасибо. Где мой контролер?

– Получил перевод.

– В смысле, тоже покойник?

– Мы не играем в такие игры, Роби. Вам это известно.

– Очевидно, мне не известно ни черта.

– Все обстоит так, как обстоит.

– Продолжайте твердить себе это. Может, поверите.

– Мы принимаем антикризисные меры, Роби. Нам нужно поработать над этим вместе.

– Мне как-то больше не по душе работать с вашим братом.

– Но вам нужно переступить через это. Фактически говоря, это настоятельная необходимость.

– Давайте подбираться к этому постепенно. Вы посылали кого-то убить меня вчера ночью? Субъекта с винтовкой в переулке? Мои подошвы отпечатались у него на лице? Фактически говоря, он еще может валяться в переулке без сознания.

– Он был не из наших. В этом я могу вам поклясться. Сообщите мне точное местоположение, и мы проверим.

Роби не верил ему, но особой роли это не играло. Он сообщил собеседнику, где это произошло, тем и ограничившись.

– Чего вам еще от меня надо? Новых заданий? Я не в настроении. Эдак вы в следующий раз пошлете меня убирать бойскаута.

– В связи со смертью Джейн Уинд ведется следствие.

– Ага, еще бы.

– Его возглавляет ФБР.

– Еще бы.

– Мы хотим, чтобы вы взяли на себя роль посредника между агентством и Бюро.

Сколько сценариев Роби ни прокручивал в голове, такого среди них не было.

– Вы шутите?

Молчание.

– Я к этому делу и на пушечный выстрел не подойду.

– Нам нужно, чтобы вы стали нашим связным. И мы хотим, чтобы вы исполнили все так, как хотим этого мы. Это необходимо.

– Да почему вам вообще понадобился посредник?

– Потому что Джейн Уинд работала на нас.

Глава 23

Договорившись о месте и времени встречи, Роби неспешно спрятал телефон. Поглядел через щель в изгороди на такси, заехавшее на парковку заправки. Джули вышла из здания заправки с пачкой сигарет и бутылкой сока.

«У нее есть документы, подтверждающие, что ей восемнадцать».

Села в такси, и машина сразу отъехала.

Немного выждав, Роби тронулся и влился в поток движения в ярдах пятидесяти следом.

Потерять ее он не боялся, потому что подложил в ее болтунью легкоусваивающийся биопередатчик. Тот будет действовать еще двадцать четыре часа, после чего покинет ее кишечник. Монитор слежения был у Роби на запястье. Бросив на него взгляд, Уилл отстал еще больше. Нет смысла без крайней нужды давать ей знать, что за ней хвост. Джули уже доказала, что обладает наблюдательностью куда выше средней. Может, она и малолетка, но недооценивать ее не стоит.

Такси свернуло на федеральное шоссе 66 и покатило в направлении округа Колумбия.

Движение в этот час было затрудненным. Утренняя поездка на работу в округ Колумбия с запада – обычно просто издевательство. Солнце шпарит прямо в глаза, а вечером терпишь ту же пытку бок о бок с тысячами других кипящих

водителей, возвращающихся с работы.

Езда на «Хонде» позволяла Роби быть более маневренным, чем в автомобиле, и он без труда держался в пределах видимости от такси. Оно проехало по 66-му, пересекло мост Рузвельта и приняло вправо на развилке, направляясь к Индепенденс-авеню. Они быстро миновали манящий туристов район памятников округа Колумбия, въехав в куда менее привлекательные места столицы.

Такси остановилось на перекрестке в окружении ряда старых дуплексов. Джули вышла, но, должно быть, велела водителю подождать. Зашагала по улице пешком, а машина медленно покатила следом. Остановившись у одного из дуплексов, девочка достала свою миниатюрную камеру и сделала несколько снимков. Сняла окружающий участок, после чего снова села в такси, и машина быстро поехала дальше.

Запомнив адрес дуплекса, Роби снова пустился в преследование.

Минут через десять он сообразил, куда направляется Джули, – и отчасти просто не мог этому поверить. Зато в другой части вполне ее понимал.

Она направлялась обратно к месту взрыва автобуса.

Таксист высадил ее в паре кварталов от места назначения, поскольку дороги были перекрыты полицейскими кордонами. Оглядевшись, Роби увидел копов и федералов повсюду. Этот взрыв застал врасплох всех. Уилл так и видел, как рты федеральных служащих по всему городу поглощают тонны

антацида⁵.

Припарковав мотоцикл, он снял шлем и двинулся в преследование пешком. Джули оторвалась от него на целый квартал. И даже ни разу не оглянулась. Это возбудило у него подозрения, но преследования он не прекратил. Она свернула, и он свернул. Она снова свернула, и он тоже. Они уже оказались на той улице, где автобус прекратил свое существование. Один квартал улицы был закрыт и для пешеходов. Полицейские не хотели, чтобы народ слонялся по их пласту улик. Роби видел остов автобуса, хотя копы полным ходом возводили большие металлические рамы с занавесами, чтобы загородить его от глаз публики.

Роби посмотрел на место, куда приземлился после взрыва, до сих пор не ведая, куда подевался его пистолет. Достаточный повод для беспокойства. Поднял глаза выше, на углы зданий. Установлены ли здесь камеры наблюдения? Возможно, у некоторых светофоров. Начал высматривать банкоматы, снабженные встроенными камерами. Через улицу обнаружился целый банк. Снять, как они с Джули сошли с автобуса, он не мог, потому что расположен не на той стороне улицы. В данный момент еще никто не знает, что они были единственными пережившими взрыв.

Уилл обратил внимание на женщину в возрасте лет под

⁵ Антациды – лекарственные препараты, предназначенные для лечения кислотозависимых заболеваний желудочно-кишечного тракта посредством нейтрализации соляной кислоты, входящей в состав желудочного сока.

сорок, в ветровке и бейсболке ФБР. Темные волосы, миловидное лицо. Рост пять футов шесть дюймов, изящная, с узкими бедрами и широкими атлетическими плечами. На ногах рабочие ботинки Бюро на дюймовом каблуке, черные брюки, на руках латексные перчатки. Бляха и пистолет на поясе.

Роби видел, что переговорить с ней подходят и спецагенты, и полицейские в форме. Отметил про себя пиетет, с которым к ней обращаются. Возможно, она спецагент, возглавляющий всё это мероприятие. Отступив в тень дверного проема, он продолжил наблюдение – сначала за агентессой ФБР, а затем за Джули. Наконец девочка повернулась и зашагала по улице прочь от останков автобуса. Выждав пару минут, Роби последовал за ней.

Глава 24

Джули дошла до грошовой гостинички, втиснувшейся между двумя пустующими зданиями, и вошла внутрь.

Остановив мотоцикл, Роби принялся следить через окно гостиницы. Джули регистрировалась с помощью кредитной карты. Любопытно, чье имя там значится. Если ее, то оно пошлет по системе сигнал, сообщающий преследователям ее точное местонахождение.

Минуту спустя она вошла в лифт. На этом месте Роби наблюдение прервал, но с ней еще не закончил. Вошел в гостиницу и подошел к стойке регистрации. Пожилому портье было бы более к лицу укладывать асфальт в августе, чем цепляться за эту работу.

– Моя дочь недавно зарегистрировалась, – заявил Роби. – Я завез ее для стажировки на Холме. Хотел, чтобы она воспользовалась своей карточкой «Американ экспресс», потому что карта, которую я ей дал, взломана, но она почти наверняка забыла. Пытался ей дозвониться, но дочь, наверное, отключила телефон.

Это выбило пожилого индивида из колеи.

– Она только-только въехала. Может, спросите у нее сами?

– А в какой она комнате?

– Такие сведения я давать не могу, – старичина ухмыль-

нулся. – Это персональные данные.

Роби напустил на себя достаточно раздраженный вид, как и надлежало бы любому отцу.

– Послушайте, не поможете ли мне? Мне меньше всего на свете надо, чтобы какой-нибудь киберотморозок раскурочил мне кредит из-за того, что мой ребенок воспользовался не той картой.

Портье выразительно посмотрел на лежащий перед ним журнал регистрации.

– Это ж сколько трудов надобно!

Тяжко вздохнув, Уилл извлек бумажник и выудил двадцатку.

– Не поможет ли это в ваших *трудах*?

– Нет, но парочка эдаких могла бы.

Роби вытащил вторую двадцатку, и портье выхватил обе купюры.

– Ладно. Она воспользовалась «Визой». Владелец счета числится Джеральд Диксон.

– Это я знаю. Я и *есть* Джеральд Диксон. Но карточек «Виза» у меня две. Можно посмотреть номер?

– Можно... еще за двадцать.

Разыграв серьезное раздражение, Уилл уступил. Посмотрел на карту и запомнил цифры. Теперь Джеральд Диксон у него в руках.

– Замечательно, – он вздохнул. – Это и есть взломанная карта.

– Уже прогнал платеж, старина. Ничего не могу поделаться, – с ликованием сообщил портье.

– Вот уж спасибо, – отозвался Роби.

Повернулся и ушел. Он выяснит, кто такой этот Джеральд Диксон. Но Джули на данный момент в безопасности, так что надо двигаться.

Доехав до своей квартиры, Уилл осмотрел фасад и тыл здания, после чего все-таки вошел внутрь, но поднялся по лестнице вместо лифта. Не встретил ни души. В этот дневной час все на работе. Роби открыл дверь квартиры и сунул голову внутрь. Всё точь-в-точь как он оставил.

Чтобы убедиться, что внутри никого нет, потребовалось пять минут. Роби расставил крохотные вешки – обрывок бумаги в петле двери, ниточка, рвущаяся при открывании выдвижного ящика, – предупреждающие, что в помещении без его ведома кто-то побывал и устроил обыск. Ни одна из них не сработала.

Он переделался в слаксы, спортивную куртку и белую рубашку, после чего открыл сейф, скрытый за полкой с телевизором, где хранился его пакет документов. Роби давненько им не пользовался. Сунул пакет во внутренний карман и тронулся.

По настоянию Роби, встреча состоится в публичном месте.

Отель «Хей-Адамс» расположен через улицу от парка Лафайетт, в свою очередь расположенного через Пенсильва-

ния-авеню от Белого дома. Самая защищенная территория на планете. По разумению Роби, даже его агентству придется попотеть, чтобы выйти сухим из воды после убийства на этой территории.

Фактическим местом встречи был зал Джефферсона – обширная столовая, отделенная от вестибюля лесенкой в пару ступенек. Роби пришел заранее, чтобы поглядеть, кто мог прийти до него. И принялся ждать.

За минуту до назначенного времени в вестибюль вошел человек лет шестидесяти. С скромный, недорогой костюм, красный галстук, надраенные туфли массового производства, осанка и солидность слуги общества, за время жизни скопившего больше власти, нежели богатства. Его сопровождали двое рослых молодых людей. Бугаи. Выпуклости на груди выдают оружие. Гарнитуры и провода – наличие связи.

«Телки» проследовали за ним в зал Джефферсона, но за столик вместе с ним не сели, заняв позиции на периметре и обшаривая окрестности взглядами в поисках угроз. Сесть в прямой видимости любого из окон они подопечному не позволили. Один из них извлек небольшой приборчик, установил его на пианино, приткнувшееся в углу ресторана, и включил. Послышался негромкий гул.

«Станция постановки помех с белым шумом, – сразу же понял Роби, потому что и сам пользовался подобной техникой по своей линии работы. – Если здесь есть средства электронного наблюдения, записи будут забиты помехами».

И только тогда он вышел из укрытия. Позволил, чтобы его увидели, но не подходил, пока старший не заметил его и не кивнул, тем самым подтверждая для охраны, что именно с Роби он и встречается.

Несмотря на обеденный час, в зале было пусто. Уилл знал, что это не случайность. Прислуги ни слуху ни духу. Ресторан фактически закрыт. Если Роби голоден, поесть ему придется позже. Кухня сегодня вообще вряд ли значится в повестке дня.

Он сел наискосок от начальства, тоже спиной к стене.

– Рад, что вы смогли подойти, – сказал тот.

– Имя у вас есть?

– Сойдет просто Синий.

– Документы, Синий, просто для подтверждения.

Сунув руку в карман, собеседник позволил Роби увидеть герб, фотографию и должность, обозначенные на удостоверении личности, но без имени.

Этот человек на высоком посту в агентстве. Куда более высоком, нежели предполагал Роби.

– Ладно, давайте поговорим. Джейн Уинд... Вы сказали, она была из наших. Я смотрел ее удостоверение. Она из СКР-МО. Служба криминальных расследований минобороны.

– А паспорт ее вы тоже видели?

– Поездки по Ближнему Востоку, в Германию. Но у СКР-МО есть конторы во всех этих местах.

– Вот потому-то это было идеальным прикрытием.

– Она была адвокатом?

– Да. Но не только.

– Что именно она для вас делала?

– Вы же знаете, что не были уполномочены.

– Тогда зачем было звать меня сюда?

– Я сказал, что вы не были уполномочены. Теперь я официально вручаю вам полномочия.

– Ладно.

– Но сперва мне надо в точности знать, что произошло вчера ночью.

Роби рассказал, рассудив, что умалчивать о чем бы то ни было просто глупо. Однако ни о Джули, ни об уничтожении автобуса не обмолвился ни словом. В его сознании эти материи существовали совершенно отдельно друг от друга.

Откинувшись на спинку стула, Синий принялся переваривать информацию. Он не прерывал молчания; Роби тоже, полагая, что Синему предстоит сказать куда больше, чем осталось поведать ему самому.

– Агент Уинд работала в поле много лет. Она была хорошим агентом, как я уже сказал. Когда у нее появились дети, ее перевели в Управление генерального инспектора при МО, но она по-прежнему работала в тесном сотрудничестве со СКРМО во всех ее следственных секторах. И, разумеется, продолжала работать на нас.

– Как она могла из-за этого угодить в список ликвидации, где ей вообще не место? – осведомился Роби. – И как вообще

могло случиться нечто подобное? Я знаю, что мы засекречены, но притом входим в организацию с системой сдержек и противовесов.

– Неконтролируемые биржевые маклеры теряют миллиарды долларов казенных денег что ни день. А ведь эти организации крупнее и лучше финансируются, чем мы. И все равно это происходит. Если один человек, а вероятнее, небольшая группа людей настроены достаточно решительно, они могут осуществить невозможное.

– Я видел, как она тем вечером входила в дом. Детей с ней не было.

– Очевидно, они были с сиделкой, живущей в том же доме, к услугам которой она уже прибегала. Эта сиделка привела их на квартиру, когда агент Уинд вернулась домой.

– Ладно. На что же такое наткнулась Уинд, раз ее убили?

– А откуда вам известно, что она на что-то *наткнулась*? – Синий с любопытством поглядел на него.

– Она жила в дрянной квартирке с двумя детьми. На столе у нее в гостиной лежали юридические документы. Принести домой секретные материалы и бросать их где попало никто не станет. Значит, ее работа не засекречена. Согласно паспорту, последнюю поездку за границу Штатов Уинд совершила два года назад. Она не была полевым агентом – во всяком случае, в последнее время, по вашим словам. Ее младшему ребенку нет и года. Наверное, из-за этого ее и отозвали с полевых работ. Но она работала над чем-то – веро-

ятно, считая это дело рутинным. Она что-то раскопала. Поэтому ее и взяли на мушку. Сомневаюсь, что это связано с ее работой напрямую.

Обмозговав это, Синий одобрительно кивнул.

– Вы хорошо анализируете, Роби. Я впечатлен.

– А я лопаюсь от вопросов. Вам известно, на что она наткнулась?

– Нет, не известно. Но мы, как и вы, не думаем, что это связано с ее официальными обязанностями.

– А зачем я вам нужен в качестве офицера связи с Бюро? Это большой риск, особенно если оно выяснит, что я делал в последние дюжину лет.

– Что ему не удастся.

– Как вы сказали, если один человек или небольшая группа людей настроены достаточно решительно, они могут осуществить невозможное.

– Изложите мне свою гипотезу.

– Кто-то выяснил, *что* она обнаружила, и заложил ее. На нашей стороне есть «крот», как свидетельствуют действия моего контролера и остальных, и была организована ликвидация. Они не были уверены, что я нажму на спуск, так что выставили дублера. Тот без малейшего зазрения совести порешил ребенка вместе с матерью. А вы сказали, что моего контролера перевели. Это ложь. Мне от вас ложь не нужна.

– Как вы поняли, что это ложь?

– Он приказал мне убить Уинд. Вы сказали, что санкции

на это не было. Значит, он – предатель. Предателей вы не переводите. Если б вы упекли его, вам бы не требовалось, чтобы я рассказывал вам о случившемся и пускался в домыслы, почему. Отсюда следует, что контролер скрылся. Вместе с теми, кто с ним работал. И о скольких лицах идет речь?

– Мы полагаем, в цепочке еще не меньше троих, – Синий вздохнул, – но может быть и больше.

Роби просто смотрел на него, ничего не говоря.

Синий потупил взгляд, тормоша посеребренную ложку на безупречно белой льняной скатерти.

– Это скверно, конечно.

– Тянет на «преуменьшение года». Чего именно вы от меня хотите?

– Мы должны держать руку на пульсе расследования, не подавая виду. Так что официально вы станете специальным агентом СКРМО, но на самом деле будете докладывать мне. Мы обеспечим вам все необходимые прикрытия и документы. Пока мы тут беседуем, их уже размещают у вас в квартире.

Лицо Роби омрачилось.

– Вы говорите, изменников не меньше четырех. А если на самом деле больше? И что, если один из них как раз сейчас в моей квартире?

– Этих агентов привлекли из совершенно отдельного подразделения. С вашим контролером они не контактировали. Их лояльность не подлежит сомнению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.